

Игорь Ушаков

ПЬЕСЫ

Сан-Диего

2013

Игорь Ушаков

ПЬЕСЫ

**San Diego
2013**

Дизайн обложки:
Кристина Ушакова

Copyright © 2013 by Igor A. Ushakov

СОДЕРЖАНИЕ

ИСПОВЕДЬ САЛЬЕРИ.....	- 5 -
ГАМЛЕТ, ПРИНЦ БРАТСКИЙ.....	- 13 -
ЯГО.....	- 57 -
ИГРЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ МАНЬЯКОВ.....	- 103 -

ИСПОВЕДЬ САЛЬЕРИ

*Посвящается
замечательному актеру
Олегу Табакову,
потрясающе сыгравшему
Сальери в пьесе «Амадео».*

* * * * *

Сальери Антонио (1766-1825), итальянский композитор. С 1766 жил в Вене. Автор многочисленных опер. Ученики: Л. Бетховен, Ф. Шуберт, Ф. Лист. Легенду об отравлении им Моцарта использовал А.С. Пушкин («маленькая трагедия» «Моцарт и Сальери»).

Советский Энциклопедический Словарь.
«Советская Энциклопедия», 1983.

* * * * *

Погруженный в думы, откинувшись в высоком кожаном кресле, сидит Антонио Сальери. Перед ним на низком ломберном столике разбросаны нотные листы. Поверх них стоит массивный серебряный подсвечник с тремя догорающими свечами. Воск стекает на листы. Сальери недвижим, подбородок утоплен в вороте теплого стеганого халата. Откуда-то сверху льются звуки «Лакрिमозы» из моцартовского «Реквиема». Спустя некоторое время, Сальери берет латунный звонок, стоящий на столе. Звонит. После недолгой паузы входит слуга. Молча останавливается в позе покорного ожидания. Сальери после длинной паузы начинает говорить.

Сальери:

Йоханнес, слушай, друг любезный.
Ты должен всюду, исподволь и тихо

Шептать, наушничать, что это я – Сальери
Божественного Моцарта отправил
Навеки в лучший мир, что в час урочный
Я зелья страшного в бокал вина добавил,
От коего он умер постепенно...

Слуга:

Но, Господин, не вы ли разве тайно
Ему все это время помогали?
Через меня ему передавали
То провиант, то красное вино,
Что ставил я под кровом поздней ночи
В корзине небольшой у самого порога?
То суммы денег, правда, небольшие,
Я незаметно оставлял в углах приметных,
Когда к нему меня вы посылали
С каким-нибудь пустяшным порученьем?
Нет, Господин! Нет, это невозможно...
Ведь вы пытались правдой и неправдой
Помочь ему... А «Реквием» последний?

Сальери:

Да, помню: под плащом скрываясь черным,
Ты к Моцарту отнес мою записку,
В которой я инкогнито просил
Заупокойный реквием создать
И как аванс вручил большую сумму.
Я ждал тебя с волнением за углом,

ПЬЕСЫ

Боясь, что Моцарт вдруг тебя признает.
Но все благополучно обошлось.

Ведь просто так гордец не взял бы денег,
Хотя бы даже в долг я предложил их.

Я часто ждал за полночь,
Когда из окон Моцарта польются
Волшебной музыки чарующие звуки.
(Ведь он, ты помнишь, по ночам работал.)

Да, Моцарт – это Моцарт! И никто
Не сможет с ним сравниться в этом мире!
Возьми одну хотя бы «Лакримозу»...
Ну, разве не Творец водил его рукою,
Когда записывал он ноты на бумаге?
Он превзошел в искусстве сочиненья
Вивальди, Генделя, Скарлатти, даже Баха.
О гений Моцарта никто не превзойдет,
Уверен, не одно еще столетье,
А может, вообще никто и никогда...

Слуга:

Вы правы, Господин: лишь вы и Моцарт –
Два величайших композитора вселенной...

Сальери:

Увы, ты прав всего наполовину...
И потому к тебе я с этой просьбой
Пустить молву по миру обратился.

Слуга:

Нет, Господин! Нет. Это невозможно!

Сальери:

Я знаю, ты мой верный друг, Йоханнес,

И потому тебя о том прошу я.
Ты исповедь мою теперь послушай,
И будешь ты единственный хранитель

Всех помыслов моих святых и темных.
Ты помнишь день, когда явился Моцарт...
Он раздражал меня манерой поведенья,
Своей беспечностью и эдаким фиглярством
И тем, что все всегда ему давалось
С такою легкостью и ярким совершенством.

Искусство для меня – тяжелый труд.
Мне музыка мучительно дается:
Я переписываю пьесы по сто раз...
И вдруг у Герцога, во время представления
Ко мне подходит Моцарт со словами:
«Сальери, лучше бы с седьмого такта
Сыграть вот так...» И, сев за клавиш,
Он превратил мою каденцию в живую,
Заставил брызгами хрустальными сиять!

Я был ошеломлен... Нет! Не разгневан!..
Я был раздавлен... Обращен во прах...
А Моцарт? Моцарт, бросив инструмент,
Уж за какой-то юбкой волочился!

Вся жизнь моя с тех пор перевернулась:
Я не могу теперь коснуться клавиш...
Да, после Моцарта любое сочиненье
Мне кажется трудом богопротивным...

Возможно ли, чтоб звук другой раздался,
Когда струятся моцартовы звуки?

ПЬЕСЫ

Да, я себя судил не очень строго:
Я думал, что за Генделем и Бахом
Найдется также место для Сальери.

Но Моцарт изменил все представленья...
Я сам почувствовал тщету своих стремлений.

Он делает буквально без усилий
То, что я делаю за дни и за недели...
И делает к тому же бесподобно!

И я решил тогда его приблизить
К себе. Чтоб стал он мне за брата,
За друга стал. Чтоб люди говорили
О нас двоих с восторгом, восхищеньем:
«Сальери с Моцартом...»
и «Моцарт и Сальери...»

Но оттолкнувши дружескую руку,
Он продолжал меня не замечать
И не внимать советам дружелюбным.
Все тот же был кутила, ловелас...

Но впрочем, продолжал писать
Одно прекраснее другого сочиненья!

Но тяжкая болезнь его точила,
Жизнь покидала тело. Так вино
Из меха продырявленного льется,
Пропитывая землю... Мех теряет
И форму прежнюю, и содержанье...
И к Моцарту вот так же смерть пришла.
Он даже «Реквием» закончить не успел!..

Я горевал, ты помнишь, безутешно,
Хотя единственный, казалось бы,
Соперник мой умер. И тогда...

Ты помнишь, я вернул тебя с дороги,
Пославши заказать по Моцарту молебен.
Ты должен был по моему приказу
Устроить похороны Моцарту такие,
Что подобало лучшему вовеки музыканту...

Вдруг, будто черной молнии разряд, -
Во мне мелькнул мой план –
Коль я смолчу, поверят
В Сальери, совершившего злодейство.

Ты разнесешь по городу молву,
Что, мол, Сальери, завистью замучен,
Стушил на путь бесчестного убийства.
Я ж буду отрицать к тому причастность.
Ведь ты же знаешь, как толпа жестока
И злонамеренна превыше всякой меры:
Чем больше буду я твердить отказ,
Тем тверже будут верить в эти слухи,
Способствуя успеху плана моего,
Что я нарисовал тебе, Йоханнес...

Ты помнишь, как безумец Герострат
Спалил священный храм богини Артемиды,
Чтобы поступком этим богомерзким
Свое навеки обессмертить имя?

Я верю, что Иуда честолюбец
Затем лишь предал брата Иисуса,
Чтобы навеки в памяти людской
Их имена всегда стояли рядом.
Он сделал все, никем не понукаем,
А 30 сребреников – выброшены в пыль!..
И вскоре сам повесился от чувства,

ПЬЕСЫ

Что жизнь свою он исчерпал до дна...
Скажи, что кроме одного тщеславья,
Могло руководить Иудой?

Слуга:

Боже правый!
О, Господин, я предан вам душою
И ради вас готов на преступленья
И даже на безумное деянье –
Оклеветать вас ради черной славы...
О Господи!
Прости за прегрешенья
Меня и Господина моего...

Сальери:

Иди, Йоханнес. Сослужи мне службу,
Какую, может, ни один слуга
Еще не нес во славу господина!

Слуга крестится и с поклоном почтительно выходит.
Сальери остается один. Погружается в мысли. Потом берет
щипцы для снятия нагара со свечи. Убирая нагар, нечаянно гасит
две из трех свечей. Оставшаяся разгорается еще ярче.

Опять откуда-то сверху тихо начинают литься звуки
Соль-минорной 40-й симфонии Моцарта...

Сальери:

Теперь я вновь живу...
Я знаю: вечен Великий Моцарт!
И его творенья
Сердца людские будут услаждать,
Покуда жизнь теплится в этом мире...

И имя незаметного Сальери
Из века в век, как тень, неотвратимо
За Моцартом
 последует
 в бессмертье...

Звуки 40-й Симфонии Моцарта нарастают и полностью
заполняют зал симфоническим звучанием...

З А Н А В Е С

1983, Москва

ГАМЛЕТ, ПРИНЦ БРАТСКИЙ

(Траги-трагедия в одном, но длинном акте)

*Уж скоро будет лет, гляди, с полтыщи,
Как – будь благословен Шекспир! –
Поток страстей людских
на нас со сцены хлыщет...
А главное – все тот же духа пир!*

Действующие лица:

Шекспир, он же автор.

Гамлет – принц, сын прежнего короля Отчизны Братской Гамлета-Старшего и племянник нынешнего короля Клавдия.

Гертруда – королева, жена Гамлета-Старшего, а затем его брата – Клавдия.

Клавдий – нынешний король Отчизны Братской.

Полоний – канцлер Отчизны Братской.

Офелия – дочь Полония.

Лаэрт – сын Полония.

Горацио – друг Гамлета.

Розенкранц и **Гильденстерн** – бывшие одноклассники Гамлета.

Бернардо, он же Борис – часовой,

Франциско, он же Федул – часовой,

Марцелл, он же Маркел – начальник караула,

Могильщики (без комментариев).

Священник (без комментариев).

Призрак Отца принца Гамлета¹.

¹ Извиняйте – Призрак даже королевский идет после могильщиков и священника

АКТ ПЕРВЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ

Сцена первая

Выходит Шекспир заунывно, нараспев, как это обычно делают поэты, начинает читать по бумажке:

Уж наступила ночь на город
Своею мрачною пятой...
Все погрузилось в мрак и холод,
Как под могильною плитой.

После этого он уходит со сцены. Открывается занавес.
Столица Братского царства. Старый Кремль, огороженный высоченной каменной стеной. У запертых ворот стоит на часах часовой Федул по прозвищу Франциско. Наступило время смены часовых. Подходит смена караула – Борис по прозвищу Бернардо.

Часовой:

- Стоять! Стреляю! Это кто идет!

Бернардо (приближаясь):

- Ты, что, Франциско – полный идиот?
Кто ж на часах стоит, часов не наблюдая?
Зачем, ты думаешь, пришел сюда я?
Я – Боря, сменщик твой, Франциско...
Мышиного и то страшишься писка!

Часовой Франциско:

-Ну, слава всем святым, черт подери...
Теперь скорей добраться б до двери,

ПЬЕСЫ

А там с устатку водочки надраться
Да под бочок к жене!..

Подошедший сменщик – часовой Бернардо:

- Не приходил Горацио?

Часовой Франциско:

- Горацио?.. Ах, да, теперь зовут так Гриш...
Так о Григории ты, верно, говоришь?

Бернардо:

Да, о Горацио. Зачем наврал ему ты,
Что будто призрак от тебя умчал во тьму-то?

Франциско:

Ну, малость самую... Не выдай, побожись!
Ты б знал, как мне постыла эта жисть:
Когда весь люд давно уж на печи,
Ходить с проклятой алебардой средь ночи!
А коль поверят мне – сойду за психа,
И с пограничников меня уволят тихо...
С тобою мы друзья, Бернардо... Тьфу! Борис,
Смотри Горацио про то не протрепись!

Бернардо:

Мне тошно самому служить
в Отчизне Братской...
Вон дочь моя – так правду в матку лепит:
«Эх, холосо нам зыть в Отцизьне Бьятской!»
Не истина ль ее картавый лепет?
Но подрастет – под то же встанет знамя,
Крича в ажиотаже: «Клавдий с нами!»

Что за народ, вернее, – за народец ...
И даже правит нами инородец!

Франциско:

Когда в стране бардак да передраги,
Всегда найдутся для правления варяги!

Бернардо:

А мода эта всех именовать,
Что не признает и родная мать:
Вот ты, Франциско, был всегда Фекул,
Дразнили в школе: «Губы что надул!»
А мне, ты думаешь, не горько:
Бернардом стал обыкновенный Борька!

Франциско:

Вот у варягов в Королевстве Датском –
Ни дать, ни взять – вот там оно по-братски:
Они дают, дают, дают, дают...
А наша Братская Страна – от слова «брать»:
Берет добро народное в свои карманы знать...

Бернардо:

Ну, ладно, хватит! Стены здесь с ушами:
И не моргнешь – а загремишь к едрёной маме!

Франциско:

Что говорить, услышат – в сей момент,
Объявят всем, что Борька – диссидент...
Чу, чуешь? То они идут, браток –
Набрось-ка на роток скорей платок!

ПЬЕСЫ

Подходят Горацио с Марцеллом. Горацио явно не в себе.

Марцелл:

Ну, как сегодня? Посетил ли дух?
Иль, может, сон приснился после двух?
Небось, кимарил, стерва, на посту,
А потому и Тень увидел ту.

Бернардо:

Погодь, Маркел, не торопись и сам
Ты поразишься вскоре чудесам:
Ни дать, ни взять – то вылитый Король!
Кому, зачем играть бы эту роль?
К тому же он бесплотен, словно тень...

Марцелл (со смешком):

- Не та ли, что наводят на плетень?
Король почил два месяца тому.
Я рассказней твоих, ей богу, не пойму!

Бернардо:

- Окстись, Маркел! Да и не трогай Бога,
А заодно и черту хвост не дергай...

В тот же миг Бернардо замирает с разинутым ртом... Горацио оборачивается в ту сторону, куда смотрит Бернардо, отпатывается, натывается на алебарду стоящего за ним Марцелла, вскрикивает: ему и впрямь видится призрак – ну, точь-в-точь Гамлет-Старший, отец принца Гамлета, но только, как бесплотная тень.

Горацио:

- Прости мя и помилуй, Богородица...

Марцелл:

- Что, правда что ли, призрак колобродится?
Мне помнится, что с детства ты, Горацио,
Страдал от всяческих галлюцинаций!

Горацио приходит в себя и, пытаясь сохранить свое
реноме, кричит вслед уходящему Призраку.

Горацио:

- Эй, стой! Ни с места, слышишь, наваждение!
А то сейчас – как алебардой звездану!

Горацио (про себя):

- А впрочем, если и ударю эту тень я,
То, может, сам пойду тогда ко дну?

Затем, одумавшись, обращается опять к призраку:

- Но если ты, король, – прости великодушно:
Я малость задурел, от страха душно...

Призрак открывает рот, но в тот же миг кричит петух, и
призрак в панике исчезает.

Горацио (обращаясь к Марцеллу):

- Маркел, чтоб нам спокойно было жить,
Должны мы принцу все в деталях доложить.

Марцелл:

Ты друг его – тебе и карты в руки...

(в сторону):

А духи, призраки... Не верю в эти штуки!

ПЬЕСЫ

* * * * *

Сцена вращается и открывается следующий ее сегмент.

Следующая ночь. На часах стоит Бернардо, переминаясь с ноги на ногу. Появляется Гамлет в сопровождении Горация. У Горация дрожат руки, он, заикаясь, говорит Гамлету.

Горацио:

Вот этот видел Призрака два раза,
Вчера мы видели его в четыре глаза:
И я, и он – почти одновременно...
Я доложить тебе решил непременно.
Мне показалось, призрак показал мне взглядом,
Что знает, кто ему в бокал подсыпал яду...

Гамлет:

Что ж, подождем, любезный друг, Горацио.
Хочу я с папенькиным духом повидаться.
Но если что не так, то этому Бернардо
Я отделию от тела бакенбарды!
А ежели тот Призрак скажет, что не так,
Не верьте – он и раньше был большой чудак.

Бернардо, походкой, какой ходят перетерпевшие в туалет, незаметно скрывается за углом. Его тень появляется на городской стене. Раздаются звуки льющейся струи.

Горацио:

Чур! Чур, меня! Ты слышишь эти звуки?
Такие слезы могут вызвать только муки!
А вот и Тень!..

Гамлет:

О, милостивый Боже!
И впрямь на папенькину тень похоже...
Бежим, мой друг, бежим скорей отсюда!
Конечно же – виной всему Гертруда!

Гамлет тянет Горацио за руку. Оба почти бегом исчезают со сцены.

Бернардо:

О, славен будь в веках – святой Борис!
Ведь это он мне подсказал: «Крепись! Борись!»
А справь пораньше я свои желания,
Горацио б не услышал журчания...
И уличный фонарь... Тень на стене...
Тень лучшая из царства всех теней!

Сцена вторая

Шекспир (заунывно нараспев читает по бумажке):

Трагедий греческих герои
Глубоких чувств несли венец...
В наш гнусный век – от вас не скрою,
Герой – дурак или подлец...

После этого он уходит со сцены.

Открывается занавес.

Тронный зал. Королева Гертруда с новым королем Клавдием, братом старого короля, умершего всего с месяц назад. Там же принц Гамлет – угрюм и зол. Канцлер Полоний с сыном Лаэртом и дочерью Офелией.

ПЬЕСЫ

Клавдий:

Я известить хочу вас, господа и леди,
О предстоящем праздничном обеде...
Мы с королевой Братскою Гертрудой
(Прошу простить за каламбур смешной –
Она была ведь братовой женой!)
Решились на шаг довольно трудный
Для блага нашей родины и нации
Решили мы, подумав, обвенчаться.
И вовсе не для смертного греха,
А пользы для... Что значат ваши «кха»?!
Не скрою, королеву я люблю,
Она мне – словно гавань кораблю.
Но ставлю золотой дукат за гвоздик ржавый:
Здесь главное – преуспевание державы!
Вы знаете, что это за напасть:
Вокруг – одни враги, готовые напасть.
Нам надо защитить Отчизну Братства
От этого лихого супостатства!
Принц Гамлет, к сожаленью, слишком млад,
При нем дела Отчизны не пойдут на лад.
А царством править – ведь не бабье дело!

Поворачивается к Гертруде:

Пардон, мадам, обидеть не хотелось!

Протягивает руку в направлении Гамлета:

Но чтобы знали все о нашем принце –
Он наш наследник. Это главный принцип.
Он мне теперь родней родного сына.
Как и жена – моя он половина...

Что ж получается? Три половинки? Ах!
Я с арифметикой всегда был не в ладах...
Простите, может, я косноязычен,
Зато мой голос и силен, и зычен,
Как и положено быть гласу короля...
Сгуляем свадьбу, как сгуляли тризну!
Будь пухом праху прежнего царя земля!
Во веки здравствуй, наша Братская Отчизна!

* * * * *

Гамлет стоит с отрешенным видом в стороне ото всех.

Гамлет (про себя):

Ублюдок, гад, дождешься у меня!
Не пожалею я души огня,
Испепелю! Забрал мою корону...
Но буду я не я, коль не займу я трона!

Что ж зря я папеньку родного этим летом
Послал переплывать с Хароном Лету?
Не я ль под водочку ему дал на закуску
Грибок, что сердца останавливает мускул?
Тут не помог бы даже Эскулап,
А наш же лекаришка – просто слаб!

Я волю дал слезам, лежал в падучей,
И на все сто использовал тот случай:
Все думают, что место мне в психушке.
Ну, пусть себе развешивают ушки!
Вот жаль лишь, что не выдавить слезу мне...
А впрочем, так кажусь еще безумней.

А эта! Нет, чтобы оплакать мужа –
Уж замуж невтерпех! И отдалась кому же?

ПЬЕСЫ

Родному брату мужа-короля!
Вот бабы! Пробы негде ставить, бя!
А ведь прожди она еще с полгода –
Я б стал царем вот этого народа!
Конечно, не народец, а дерьмо,
Но лучше все ж, чем на глазу бельмо.
Ну, ладно, мать твою, родная мать...
Я научу тебя порядок понимать!

* * * * *

Полоний с дочкой Офелией, в стороне от других.
Шепчет дочери на ухо.

Полоний:

О, свет моих очей! Дочурка дорогая,
Ты знаешь, вовсе я неприхотливый.
Но чую, жизнь моя тихонько догорает,
А я хочу, чтоб ты была счастливой.
Я думаю, что даже тридцать лун
Не посетят вечерний небосклон,
Как Гамлет, кто для всех и слаб и юн,
Займет страны шатающийся трон.
Тогда его облепят словно мухи –
Девицы, женщины и бранные старухи.

Свой кладезь мудрости житейской отопру:
Зачем такому пропадать добру?
Ты хороша собой, не говорлива,
Ты гибкая, как ствол плакучей ивы,
Уста твои, как алой розы куст,
И, как у матери твоей, – завидный бюст.

Ты с принцем заведи девичьи шуры-муры
Заранее. Не то все эти дуры...

Офелия:

Готова, папенька, последовать совету,
Но где на Гамлете корону видишь эту?
Ведь Клавдий – нынешний король –
здоров, как бык!
С чего бы это он с катушек брык?

Полоний:

Тебе открою я, но под большим секретом,
Коль проболтаешься –
простимся с этим светом.
Ты помнишь, алкашом был царь наш старый?
Так вот сынок налил ему стакан водяры,
На закусь дал соленый огурец,
Вкусив который пал с копыт отец!
Видать огурчик был напитан густо ядом –
Царевый дог, что был с царем упавшим рядом,
Лизнул царя в открытые уста – и сам
Отправился к своим собачьим праотцам!
И Клавдию, поверь, туда ж дорога!

Офелия:

Но, папенька, слыву я недотрогой...

Полоний:

Попробуй – на кривой козе,
дорогою окольной...

Офелия:

Но принц, по-моему, какой-то малахольный...

ПЬЕСЫ

Полоний:

Терпи дочурка – Бог терпел

И нам, как говорят, велел!

А коль не слюбится, то на худой конец

(хихикает)

И Гамлету найдется вкусный огурец!

Зато, когда ты станешь королева –

Гуляй направо хошь, а хошь налево!

* * * * *

Гертруда (обращается к Гамлету):

Ну, что же ты, сынок, совсем не весел

И голову, кручиняся, повесил?

Поди-ка лучше поцелуй отца...

Гамлет:

Того вон дурака и подлеца?

Мамаша, не отец он мне, а дядя,

Не говори о нем мне, Бога ради!

Как мог он, позабыв про стыд и честь,

На ложе братовой жены залезть?

Гертруда:

Во-первых, Клавдий просто без ума

От прелестей моих... И я сама...

Ты вспомни, было так и в старину:

Коль умер старший брат, его жену

Брал младший. Вспомни Библию, сынок.

Гамлет:

Ваш Бог, конечно, лучше выдумать не смог!

Он вечно потакал кровосмешенью,

Припомни: Лота сделал дочерей мишенью...

Гертруда:

Сынок, на Клавдия уж не копи ты зла:
Поверь – коли любовь, полюбишь и козла...

Гамлет:

«Любовь»! Поверь мне в сказки эти
И малые уже не верят дети!
Да будь ты хоть корова, хоть ворона!..
Не ты ему нужна – нужна корона!

Гертруда:

Одно мне радостно
в твоих сегодняшних речах:
Ты связно говоришь и мозгом не зачах!

Гамлет (про себя):

Вот черт, чего вошел я сдуру в раж?
Пора отыгрывать крутой вираж!

Обращаясь к матери:

Мадам, я с вами, право, незнаком...
Какой-то там козел женился... И на ком?
Как подобает, видно, на козе?
Ведь не на пучеглазой стрекозе?!
Всемиловнейше вы меня, миледи, извините:
Мой долг молчать, коль солнце не в зените...

Гертруда (про себя):

Опять несет бредятину бедняга...
Башка трещит... Пойду-ка я прилягу...

* * * * *

ПЬЕСЫ

К Клавдию подходит Лаэрт, сын Полония.

Лаэрт:

Пролейте вашу благосклонность, как всегда:
Позвольте мне направиться туда,
Где в мире лучшая из школ – в Париж.

Клавдий:

Где школа лучшая, ты говоришь?
Давай забудем временно о деле...

Улыбается и наклоняется к Лаэрту, говоря шепотом:

В Париже знаю я прекрасно все бордели,
И как любой кабак там зазывает в гости...
А сколько денег в карты просадил и в кости!
Но коль отец твой в этом не перечит –
Езжай, сынок, судьбе своей навстречу.
Ох, гложет зависть белая меня...
Да стар уж: в жилах нет того огня!

Лаэрт возвращается к отцу и сестре.

Лаэрт:

Король позволил... Через час – в дорогу.
Отец, сестра! Присядемте немного...
Ну, вот обычаи соблюдены –
Пойду укладывать камзолы да штаны.
Не поминайте вы ни лихом и ни ляхом,
Хоть еду я с каким-то странным страхом.

* * * * *

В залу входят Розенкранц и Гильденстерн, бывшие
однокашники Гамлета, вызванные Клавдием, опечаленным

душевной болезнью принца.

Клавдий:

Привет, бродяги! Сколько лет и зим!
Вы слышали, небось, что Гамлет болен?
Так я просил приехать вас за сим.
И заплачу, чтоб каждый был доволен.
Придумайте для принца развлечение.
Все говорят – то лучшее лечение.
Театр, кордебалет иль балаган...
Чтоб ожил наш с Гертрудой мальчуган...
Никто не знает принца лучше вас:
Вы ж с ним еще ходили в первый класс!

Розенкранц и Гильденстерн (хором):

Мы рады служить нашей Братской Стране
И вам, наш король всемогущий.
Мы выполним долг наш и даже вдвойне,
А вы – заплатите погуце.

Клавдий:

Ну, просьбу коль исполните мою,
То я уж за ценой не постою!

Розенкранц и Гильденстерн (хором):

Король, есть славная одна идея:
Приехала тут труппа лицедеев,
А с ними скоморохов группа –
Они способны оживить и трупа.

Клавдий:

Я знал, что вы способные ребята!
Ну, марш! Чтобы мелькали только пятки!

Гамлет:

Быть иль не быть? Вот в чем вопрос...
А до ответа кто дорос?
О, эта вечная дилемма!
Ведь с детства с нами эта тема:
«...Черный с белым не берите,
«Да» и «нет» не говорите...»
Подростку в ссоре надобно решить:
Бить иль не бить?
Потом в кабак идешь тоску топить:
Пить иль не пить?
Потом пошлют солдатом на войну служить:
Убить иль не убить?
И колебания сии понятны,
Хотя и выразить их не удастся внятно:
Мы миримся с знакомым злом:
Уж лучше жизнь прожить с душным козлом,
Чем с риском средь чащоб искать в лесу оленя...
Но впрочем, чаще мы колеблемся из лени,
А вовсе не из страха пред судьбой...
Но главное, что мы всегда горды собой!

Сцена третья

Шекспир заунывно нараспев читает по бумажке:

В театре – выдумки да ложь,
Мораль да смутные идеи.

Но правду все же хоть на грош
Со сцен доносят лицедеи.

После этого он уходит со сцены.

Открывается занавес.

Сцена придворного театра. В первых рядах. Гертруда с Клавдием. Рядом на полу, прямо перед сценой развалился Гамлет. Присутствует также Полоний с Офелией и другие вельможи.

Перед спектаклем Гамлет несколько изменил роли актерам и добавил несколько реплик. Получился спектакль про убийство короля и про преступную любовь брата убитого короля к его жене. Выходят актеры: Король, Королева и Брат Короля.

Король на сцене:

О, милая, души в тебе не чаю,
Ты – как конфетка к полдничному чаю.
Но силы тают, скоро я уйду...

Королева на сцене:

Не надо, милый, не накличь беду!
Верна тебя я буду аж до гроба...
Пред небесами мы едины оба.
А новый брак – такому не бывать!
Никто твою не осквернит кровать.

Гамлет достаточно громко вставляет реплику:

Ой ли, ой лю-ли,
Умирают короли,
Месяц лишь пройдет едва –
Уж королева не вдова...

Действие пьесы разворачивается далее: Брат Короля, он же любовник Королевы, закалывает отравленным кинжалом Короля. После чего Брат Короля и Королева скрываются за дверь спальни.

ПЬЕСЫ

Гамлет опять вставляет реплику:

Посмотри направо –
Кинжал да отравы...
Посмотри налево –
В спальне королева!

Клавдий порывисто встает и уходит из зала. Гамлет уже нагло встает и обращается в зал.

Гамлет:

Дамы и господа!
Тихо капает вода.
Господа и дамы,
Это факт упрямый:
Любовь, увы, не вечна
И к тому ж еще увечна...

* * * * *

Спектакль сорван, публика расходится. В опустевшем зале, где остался один Гамлет, лежащий на полу, подперевши голову рукой. Входят Розенкранц и Гиндельстерн.

Розенкранц и Гиндельстерн (хором):

Приветствуем тебя, наш друг!
Мы обыскали все вокруг.

Гамлет:

Привет... Свалились, как с Луны.
С заданием от Сатаны?
Скажите лучше мне по правде:
Вас на меня науськал Клавдий?

Розенкранц и Гиндельстерн (как всегда хором):
Нет, нет, клянемся! Мы проездом.
Мы едем к родственникам в Дрезден.

* * * * *

После спектакля Полоний беседует с дочерью.

Полоний:
Скажи, моё дитя, смогла увлечь
Ты принца, ну хотя б чуть-чуть, чуть-чуть?

Офелия:
Ах, папенька, о чем быть может речь!
По-моему, о принце позабудь!
А вот во мне любовь к нему проснулась:
Все мило в нем – и плеч его сутулость,
И грусть улыбки, и усталость глаз...

Полоний:
Влюбилась?! Ну, Офелька, вот те раз!
Не забывай, что у него под крышей
Летучие роятся мыши!
Ты – слабый пол, он – слабый потолок...
Я б воду в ступе долго не толоч.
Вперед, дитя! Продли свою охоту:
Неужто быть царицей не охота?

Офелия:
Нет, папа, он совсем-совсем нормален,
Хоть и не тянет в полусумрак спален...
Не зря сказал, кажись, Гомер-поэт,
Открыв мужчинам действенный совет:
Чем любим женщину мы менее,
Тем легче ей нас полюбить.

Да, на меня нашло затмение:
Мне без него уже не быть!
Клянусь, он вовсе не шиза!
Ты посмотри в его глаза.

Сцена четвертая

Шекспир заунывно нараспев читает:
Что правит миром? Лишь нажива
Да чувства похоти и мести.
А честные тогда лишь живы,
Когда сидят на скромном месте.

После этого он уходит со сцены.
Открывается занавес.

Покои Гертруды. Она сидит в кресле, рядом с ней на коленях стоит Клавдий, обняв ее руками.

Клавдий:

Не понимаю, что творится с принцем?
Не у него ль в пушку за папу рыльце?
Тот, кто винит другого в исступленьи,
Не тот ли сам вершитель преступленья?
Он тщится навести сомнение и смуту,

Что я убийца мужа твоего как будто.
Но ты же помнишь, был я на охоте
В тот день с утра и до зари вечерней.
И вот, въезжая в главные ворота,
На улице услышал плач фальшивый черни...

Я сразу понял, что случилось горе.
И правду скорбную поведали мне вскоре...
Зачем оставил брата одного в тот день?

Гертруда:

От выстрела не защищен олень,
Когда кругом его охотники одни.
Иди к себе, немного отдохни.
А Гамлет впрямь, искусственно скорбя,
Напраслину наводит на тебя.

Клавдий:

Давай, Гертруда, маханем в деревню!
И будем жить, как жил народ наш древний:
Я – землю перепахивать в краю суровом,
Ты – титьки дергать козам да коровам...

Гертруда:

Похоже все на бегство очень будет.
И без того во всю судачат люди.
Да-а... Гамлет хоть всюю косит на психа,
Смешал тебя с дерьмом довольно лихо!

Гертруда звонит колокольчиком, стоявшим на ее трюмо.
Вбегает слуга.

Гертруда:

Мне Розенкранца с этим... Как его?
Ну, с этим – Гильден-Гульден ... Ну, обоих.
Пусть они разыщут сына моего
И скажут, что я жду его в покоях.

ПЬЕСЫ

* * * * *

По двору перед дворцом, молча, прогуливается Гамлет.

Гамлет (про себя):

А впрямь Офелия совсем и не дурна!
И кровь ее не в папеньку бурна:
Она совсем растаяла, как воск,
И, видимо, уж ей не правит мозг!
Пожалуй, остается убедиться,
Что непорочна милая девица!

По двору навстречу Гамлету идет погруженная в книгу Офелия. Гамлет идет ей навстречу, нарочно не сворачивая. Они сталкиваются.

Офелия:

Ой, Гамлет, неожиданная встреча...

Гамлет:

А разве не нарочно вышла ты навстречу?
Не подпустил ли мне тебя Полоний?
Не он ли притаился за колонной?

Офелия (Зардевшая и смущенная):

Ну, что ты, право, ведь в мои года
Решают сами люди иногда...

Гамлет:

Офелия, нашла бы дурака
Да замуж за него, красивая пока,
А может, лучше поступай в монашки,
Там все красивы – даже замарашки...

Офелия (еще больше смущаясь):

Принц, мне не удержать в душе огня:
Скажи мне, Гамлет, любишь ли меня?
Тебе я буду верною женой...
За мной ты будешь, как за каменной стеной!

Гамлет (про себя):

Да-а... Принимает дело оборот!..
И без нее забот – аж полон рот.
Видать, всерьез охотится за мной ее отец:
Не меньше и не больше – под венец!
Так и Полоний на моем пути?
И с ним придется... Как тут ни крути!

Офелия:

Чтоб сердце мне немного успокоить,
Пойдем, поговорим в мои покои...
Я, правда, Гамлет, влюблена по уши,
По руки, плечи... Ах, меня не слушай!
Сегодня я твоя – а завтра свадьба,
Чтоб имя честное мое не запятнать бы...

Раскрасневшаяся Офелия ведет Гамлета за собой. Они скрываются за дверью опочивальни Офелии.

* * * * *

Появляется Гамлет из дверей Офелии, навстречу ему Розенкранц и Гиндельстерн.

Розенкранц и Гиндельстерн (хором):

Тебя мамаша ищет, сбилась с ног:
«Не видели, где Гамлет, мой сынок?»
Тебя найти просила очень спешно,

ПЬЕСЫ

Мы с час, наверное, искали безуспешно!
Где был?

Гамлет:

И вам настало время удивиться:
Провел часочек я с недурненькой девицей.

Розенкранц и Гиндельстерн (хором):

С Офелией? Да ты совсем не глуп!
А коли забеременеет вдруг –
С Полонием так просто все не сходит с рук.
Ты знаешь, он порой бывает крут.
К тому ж любимец королей и страшный плут.
Ну, ладно, Гамлет, поспешай к мамаше,
А то она повыдирает пейсы наши...

* * * * *

Гамлет идет по вращающейся сцене. Открываются покои Гертруды. Гамлет стучит в дверь. Находившийся в покоях королевы с докладом Полоний в панике прячется за тяжелую портьеру. Гамлет открывает дверь.

Гамлет (смирненно):

Меня изволили вы звать...

Гертруда:

Садись, послушай.
Зачем терзаешь королю ты душу?
Тебя он любит, как родного сына...

Гамлет:

Как любит кость изголодавшаяся псина!

Гертруда:

Сынок, как ты к нему несправедлив!
Зачем, в душе гнездо для змиев свив,
Его в грехах ты тяжких обвиняешь...
Ведь правду ты и сам прекрасно знаешь!

Гамлет:

Я правду? Ту, что нет и выше?

Гертруда (про себя):

А может, правда, у сыночка едет крыша?

Гамлет:

Смотри, смотри! Вот тень отца явилась!
С дороги, но совсем не запылилась:
Ведь на бесплотном пыль осесть не может.

Гертруда:

Помилуй сына моего, о Боже!..
Зачем ты напустил на принца порчу?

Гамлет:

Смотри, смотри! Тебе он рожу корчит!
И что-то говорит... Не услышать.
Послушай! Что за звуки? Слышишь, мать?

Гамлет резко оборачивается к портьеру, за которой стоит
Полоний.

Гамлет:

Ты слышишь шорох?

ПЬЕСЫ

Гертруда:

За окном какой-то шум и гам...

Гамлет:

Неужто шорохи так и не слышны вам?

Гамлет, обнажив шпагу, молниеносно вонзает ее в портьеру. Раздается стон, и грузное тело Полония вываливается из-за портьеры.

Гертруда (громко восклицает):

Что ты наделал этим смертоносным жалом!

Гамлет:

Что ж крысе крысья смерть! Хотя, пожалуй,
И жалко старика...

На крик Гертруды в покои врывается взволнованный Клавдий.

Клавдий:

Что здесь произошло?!

Гамлет:

Разбилось жизни хрупкое стекло...
Пардон мой вам, месье, мадам.
А я, пожалуй, ноги дам!

Гертруда:

Оставил нас он с им же убиенным!
На нас проклятье огненной геенны.
Он – кровь родная, но творит такое...

Клавдий:

Оставь на время сына своего в покое.
Нам надо действовать. Давай сейчас во мраке
Отволочем труп в пруд, где проживают раки,
И сбросим с берега того, что круг:
За зиму раки труп Полония сожрут.
А то опять с тобой мы будем виноваты
В глазах у этой черни вороватой!
А сына твоего отправлю под конвоем –
Гостят его друзья – ну, как их? – эти двое:
Какой-то Кранц и с ним какой-то Штерн,
Любители борделей и таверн.
Они конвоем будут незаметным,
А я их окачу дождем монетным.
Снабжу письмом к знакомому курфюрсту:
Он мастер отделенья головы от бюста!
Нет, я убийства не имею на уме!
Он просто Гамлета запрет в своей тюрьме.

* * * * *

Идя к себе, Гамлет встречает Офелию, которая, по всей видимости, поджидала его.

Офелия:

Ну, как себя ты чувствуешь, дружок?
Не думаешь, что за тобой должок?

Надеюсь, что у принца совесть есть –
Я ж отдала тебе свою девичью честь!

ПЬЕСЫ

Гамлет:

Да, в Королевстве Датском – там дают,
А в Братском – то, что дадено берут.
Не ты ли цвета розовой постели
Нагой скакала на своей постели?
Такое и у мертвого подымет интерес:
Не утерпел и я – и на кровать залез...

Офелия:

О, принц, но, правда ж, ты моя судьба!
Ну, а тебе я разве не любя?
К тому же – что за сказочный конец! –
С кровати довенечной – под венец...

Гамлет:

Офелия, признаюсь, Гименя узы
По мне страшнейшая из всех обуза
Готов любить тебя как сорок тысяч братьев

Офелия:

На кой они? Ты обманул меня... Проклятье!
Я папеньке нажалуюсь: уж он
Как сорок тыщ чертей окажется взбешён!

Гамлет (про себя):

Мели, Офеля,
Твоя неделя!

Мне жаль, но только твой отец Полоний
Уж почивает на небесном лоне!

Сцена пятая

Шекспир заунывно нараспев читает:

Об этом знает и Восток, и Запад:
Нет ничего страшней людской молвы...
Для черни злой дерьма чужого запах
Пьяней вина и сладостней халвы.

После этого он уходит со сцены.
Открывается занавес.

Покои Гертруды. Вбегает Горацио.

Горацио:

Все в панике, все сбились с ног...
Пропал Полоний.
И слух растет, всё громче, неуклонней,
Что будто бы его король убил из мести,
Что тот у прежнего царя
большой добился чести.

Гертруда:

Горацио, ты знаешь – это бред!
Кто гнусный этот выдумал навет?
Об этом и подумать даже грех –
Ведь нам Полоний был дороже всех.

Горацио:

И Гамлета сыскать никто не может.
И весь народ опять сомненье гложет:
Не убежал ли он от мести короля?
Таковыми слухами полна земля...

ПЬЕСЫ

Гертруда:

С друзьями Розенстерном-Гинделькранцем
Поехал Гамлет то ли в Дрезден, то ли в Данциг.

Горацио:

Ах, с теми, что всегда везде вдвоем?

Делает паузу. Офелия к вам рвется на прием...

Гертруда:

Скажите ей: ее всегда мы ждем.

Горацио:

Лишь пару слов, чтоб вам было ясней:
А после сами побеседуете с ней.
Она распространяет слухи меж народом,
Что мол, отец, как будто канул в воду,
Что нет от брата из Парижа вести,
Что сын ваш давеча ее, девицу, обесчестил
И убежал на Запад, гнусный трус...

Гертруда:

Впусти ее, сама я разберусь.

Входит Офелия.

Офелия:

Говорят, что мой отец...
Но конечно это враки!
Убежал... И молодец,
Там он, где зимуют раки.
Ох, холодная вода!
Да и Гамлет без стыда:

Я его впустила в дом –
Не стала девушкой потом².
Он, конечно, мне соврал,
Все розы белые сорвал,
Затоптал мне грядки,
Нарушив все порядки.
Не прощаясь, убежал
И исчез... Какой нахал!

В паутине бьется муха...
Соловей поет без слуха...
Птенчик бегаёт без пуха...
И Ван Гог идет без уха,
Следом ухо, но без слуха...
Было море – стало сухо...
Вместо девственниц – порнуха...

Что грустишь, моя старуха,
Что, нашла тебя проруха?
Ну, а мне зато везуха!
Мне теперь одно веселие
Веселюсь совсем одна...

Гертруда (про себя):

О, бедная, безумная моя Офелия!
Испить такую чашу и до дна...

Входит Клавдий. Гертруда обращается к Клавдию.

Гертруда:

Поверишь ли, сошла с ума бедняжка...
Оказывается, Гамлет согрешил,

² Строка заимствована из перевода Б.Л. Пастернака.

ПЬЕСЫ

И согрешил, как понимаешь, очень тяжко —
Он девственности девушку лишил...

Клавдий:

Ах, девственности девушку лишили!
Мужчины с мужеством навеки порешили,
А женщины про женственность забыли!
Осталось только хвост пришить кобыле...
Да и у нас с тобой одни напасти:
Лаэрт вернулся полный ярой страсти
Отмстить за убиенного отца...
Скрывать ли долго будем подлеца?
Я твоего в виду имею сына...
Что натворила, подлая скотина!
И от Лаэрта я не скрою правды!

Гертруда:

Мне трудно возразить... Пожалуй прав ты...

В это время во дворец врывается разгневанный Лаэрт.

Лаэрт:

Убийцы! Кровопийцы! Вы — исчадья ада!

Клавдий:

Уймись, Лаэрт! К чему вся эта канонада?
Ты знаешь, твой отец был мне, как брат, но
Ведь криком не вернешь его обратно.
С тобою вместе мы накажем зло.
Но надо быть спокойным, чтобы повезло:
Чтоб мстить, но сохранить престиж
Отчизны Братской,
Во всем без крика надо разобраться.

Не верь, прошу, в людские пересуды:
Не я виновник – Гамлет, сын Гертруды.
Он шпагою пронзил папашу твоего –
С Гертрудой мы свидетели того,
Как твой отец, Полоний был убит.

Лаэрт:

Труба отмщения во мне всю трубит!

Клавдий:

А нашего врага послал я в Дрезден.
Где схвачен будет сразу по приезде.
Приятель тамошний – он мне почти как брат,
Его пожизненно запрячет в каземат.

Вбегает взволнованный Горацио.

Горацио:

Видали Гамлета у городских ворот!

Клавдий:

Да, дело обретает новый оборот...

Сцена шестая

Шекспир заунывно нараспев читает:

Мы начинаем жизнь наги и без зубов во рту
Потом нас жизнь роняет иль возносит в высоту.
А завершаем путь - хоть богачей, хоть нищий,
Наги и без зубов – все на большом кладбище.

ПЬЕСЫ

После этого он уходит со сцены.

Открывается занавес.

Гамлет с Горацио идут по улице, беседея, и случайно оказываются у ворот на кладбище.

Горацио:

Скажи мне, Гамлет, как ты это вдруг
Вновь оказался на Отчизне Братской?

Гамлет:

Горацио, мой самый верный друг!
Хочу тебе я искренне признаться.
Зайдем на кладбище, пристанище отцов:
Там нет ушей... Лишь уши мертвецов!
Прости, Горацио, за эти каламбуры...
Так вот, Офелия вдруг завела со мной амуры—
Подозреваю, что с недавних пор
Отец ей правил, как оркестром дирижер.
И вот сия невиннейшая тёлка
Однажды привела меня в свою светёлку...
Ну, дальше было то, что было...
Она мне отдалась с каким-то диким пылом.
Когда ж все завершилось, наконец,
Вдруг заявляет: «Завтра — под венец!»
Я был ошеломлен, как мышка в мышеловке:
Однако ж для девицы ход довольно ловкий!
Поэтому, когда король на следующий день
Мне съездить предложил то ль в Дрезден,
то ли в Пльзень

Я с радостью умчал — так было скверно
С дружками — Розенкранцем с Гиндельстерном.

Конечно, я позабыл про честь и совесть —
А уж про ум забыл, совсем не беспокоясь.
Но показалось что-то тут не так:
Как будто я попал к ребятам под колпак.
Заметил я у них письмо с сургучною печатью
И любопытства своего не смог тут удержать я.

Печать открыв, узнал я содержание письма,
И был разгневан содержанием весьма:
В нем Клавдий пишет другу своему,
Чтоб тот меня навек упрятал бы в тюрьму!
Я тут же заколол обоих сих засранцев —
И Гиндельстерна, и, конечно, Розенкранца.
Не дал я им исполнить гнусный шанс —
И, развернувши тот же дилижанс,
Обратно повернул. И вот я здесь!
Во мне кипит, не остывая, месть!
Горацио: Я многого не понимаю, друг,
Но скоро, чувствую, замкнется этот круг...

* * * * *

В глубине кладбища два могильщика роют могилу.
Первый, что помоложе, шустро копает, напевая песенку, а
второй, что постарше, стоит рядом с могилкой, опершись на
лопату.

Первый могильщик поёт:

Эх, как девицу я любил,
Ей цветочки подносил,
Но бедняга в ноябре
От болезни вдруг помре...
На могилку я ходил,
Всю слезами окропил,

ПЬЕСЫ

Выросли листочки,
Промеж них цветочки...

Прерывает пение и обращается ко второму могильщику:

А верно ль предавать земле самоубийцу
С попом, молитвою, кадиллом и крестом?

Второй могильщик:

Ну, все зависит... Коль ответственные лица,
То и положено... Да ты забудь о том!
К тому же, говорят, она упала в воду
Нечаянно: а там, в воде – нет броду.
Там темный и весьма глубокий омут:
Не пожелал бы я в него упасть другому!

Первый могильщик:

Решать, как хоронить – то не смердское дело!
Могилку выроем – зароят тело,
чтобы не смердело!
Чтоб не накликать на людей чуму да мор...

Второй могильщик:

А ты, смотрю, копать горазд и скор!

Первый могильщик:

Да, с песнею идет работа споро!
К тому же ты меня заменишь скоро...

Продолжает петь:

Я влюбился по весне
В новую девицу.
И она нашла во мне,

Что ей пригодится.
Я нарвал цветов с могилы
Подарил их милой.
Жили мы в душе душа –
Жисть такая хороша!
Но бедняга в ноябре
От болезни вдруг помре...

Второй могильщик:

Что-то песенка твоя слишком не смешная!
Цвет с могилы подарить – мысль и то грешная...

Первый могильщик продолжает петь. В это время подходит Гамлет с Горацио.

Первый могильщик (продолжает петь):

Вот и новая весна
И новая девица.
Так мне нравилась она,
Что решил жениться.
Я нарвал тогда букет
Там же, где и ранее...
Только в жизни счастья нет
Мне, видать, заранее:
Ведь бедняга в ноябре
От болезни вдруг помре...

Гамлет, обращаясь к Горацио:

В Отчизне Братской так мне все обрыдло...
И коль не трон – я б бросил это быдло!
Могилу роет, а ему – хоть тресни! –
Горланит препохабнейшие песни!

ПЬЕСЫ

Гамлет обращается к Первому могильщику:
Скажи, любезный, мне, могила эта чья?

Первый могильщик:
Как чья? Покудова моя!

Гамлет:
Твоя?!

Первый могильщик:
Конечно, барин, чья же? Не твоя же!

Гамлет:
Да, роешь ты. Но кто в могилу ляжет?

Первый могильщик:
Да говорят какая-то девица,
Решившая намеренно утопиться.
И удалось ей это без труда –
Там, в омуте глубокого пруда.

Показывает рукой в каком-то направлении. Продолжает копать.
С очередным броском лопаты выбрасывает на поверхность чей-то ислепший череп.

Гамлет обращается ко Второму могильщику.

Гамлет:
Браток, смотрю, наверное,
давно ты на кладбище
Обслуживаешь тех, кто здесь покоя ищет?

Второй могильщик:
Какой же, барин, я тебе браток?

Аль панталоны ты не отличаешь от порток?
А про работу я тебе могу сказать:
Да хороню давно здесь всяческую знать...

Гамлет:

Чья здесь была могила? Череп чей?

Второй могильщик:

Тот, чья позиция была крепчей
Сановных высочайших лизоблюдов,
А может, блюдолизов – уточнять не буду...
При каждом новом короле, считай подряд,
У старой знати головы летят.
А чтоб спастись – ведь вариант знаком:
Прикидывайся глупым дураком!

Гамлет:

Загадками и шутками не утомляй, прошу...

Второй могильщик:

А с шутками ты прав – то был придворный шут!

Гамлет:

Неужто? Бедный Ёрик... Бедный Ёрик!

Второй могильщик:

Ну да, промеж себя его мы звали Ёрник...
А «бедный»?.. Ха-ха-ха! Да «мне б так жить»!
Ведь рожки корчить – не на кладбище служить.
Кто веселит вельмож, тот не бывает бедный,
Хоть, правда, помер –
по нему не справили обедни.

ПЬЕСЫ

На кладбище появляются королева Гертруда и король Клавдий в сопровождении священника и Лаэрта. За ними несут уже заколоченный гроб. Гамлет с Горацио отступают в сторону, оставшись незамеченными.

Священник:

Несите гроб сюда.

Лаэрт:

А реквием прощальный?

Священник:

Самоубийцам не положен знак сей ритуальный...

Лаэрт:

Но ведь ее убили... Не сама она!
Я принцу-лиходею отомщу сполна!

Из своего прикрытия выступает Гамлет.

Гамлет:

Ты за свои слова заплатишь мне сторицей!
Я просто в дружбе был с твоей сестрицей:
Любил ее, как сорок тысяч братьев
И вовсе избегал ее объятьев!
А то чего сама она хотела...
Она ж хозяйка собственного тела!

Лаэрт:

Прощальную она оставила записку, лжец:
Ты ею овладел, пообещав венец!

В толпе замешательство. Стараясь спасти положение, выступает Клавдий.

Клавдий:

Что за скандал, как среди баб-простолоудинок?
Себя перед людьми позорите, какого хрена?
Жду завтра вас на честный поединок
На главную дворцовую арену!

* * * * *

Клавдий с Лаэртом в покоях короля.

Клавдий:

Лаэрт, по принятым условиям турнира
У каждого – клинок и острая рапира.
Возьми с собой отравленный клинок:
Чтоб в поединке он тебе помог.
Я острие его помазал ядом...

Лаэрт:

О, что вы, сир, нет, не надо, нет, не надо!

Клавдий:

Когда в бою сойдетесь телом к телу
Пусти отравленный клинок свой в дело.
А чтоб сработала моя затея лучше,
Я и рапиру отравил на всякий случай.
Пойми, коль будешь Гамлетом убит,
За смерть Полония тогда, кто отомстит?
А так слегка его заденешь – и конец:
Минута-две – и он уже мертвец!
А кстати, я клянусь тебе – чес-слово! –
Тем ядом Гамлет отравил отца родного.

Лаэрт:

Быть может, Вы и правы, государь,

ПЬЕСЫ

Но как-то все, мне кажется, нечестно...

Клавдий:

О чести ты мне лучше не гутарь:
Что честно – лучше королю известно!

* * * * *

Дворцовая арена. Публика в полном сборе. Король и королева в первом ряду. Перед ними – сервировочный столик, на стороне короля стоит бокал вина. На арену с двух противоположных сторон выходят Лаэрт и Гамлет. Оба подходят к королевской ложе и низко кланяются. Гамлет при этом незаметно роняет таблетку с ядом в бокал Клавдия.

Клавдий:

Благословляю то, что вам предписано судьбой.
На девять раундов рассчитан этот бой.
Сходиться можете, как кончу до пяти считать:
Раз... Два... И три...
(О Господи!) Четыре... Пять!

При первом же сближении Лаэрт слегка чиркает по телу Гамлета отравленной рапирой, у того на белой рубахе проступает маленькое пятнышко крови.

Гертруда, в коей проснулось материнское сердце, ахает, и судорожно выпивает глоток вина из бокала Клавдия. Она вскрикивает и падает на землю. Гамлет глядя на нее, осознает, что произошло.

Лаэрт, воспользовавшись моментом, для большей верности пытается пронзить Гамлета отравленным клинком. Тот, видя занесенный клинок, перехватывает его и вонзает в самого Лаэрта. После этого Гамлет бросается к Клавдию.

Гамлет:

Умри и ты, презреннейшая крыса!

Судьба – не балаганная актриса:
Гертруда выпила с отравой вино,
Но и тебе погибнуть суждено!

Но Гамлет уже едва держится на ногах, в его глазах уже мелькают предсмертные мошки, он неуверенной походкой пьяного подходит к Клавдию, тот встает навстречу. Гамлет неуверенной рукой тычет в Клавдия рапирой. Клавдий падает на сцену у самой рампы.

ЗАНАВЕС

Клавдий остается лежать на сцене перед рампой. Вдруг он приподнимается на локте.

Клавдий:

Не понимаю, что со мной случилось?
О Господи, скажите мне на милость!
Так, значит, Гамлет не убил меня?
Коня! Коня! Полцарства за коня!

Мне это царство задарма не нужно –
Ведь это не страна, а нужник!
Не зря ведь люди, разумом ведомы,
Уходят в пахари, портные, управдомы...

Скорей отсюда прочь! Прочь! Прочь! Прочь!
Прочь! Пока не наступила эта ночь
Своим тяжелым мертвенным копытом...
В деревню! Все забыть и быть забытым...

Сан-Диего, Март 2007

ЯГО

Акт I

Сцена первая: Яго.

Яго, поручик при Отелло, венецианском генерале, сидит в задумчивости. По комнате время от времени снуют туда-сюда его жена, Эмилия. Яго размышляет о своем генерале Отелло, его лейтенанте Кассио, дворянине Родриго и Дездемоне, дочери одного из венецианских сенаторов.

Яго (размышляет вслух)

Да, жизнь – прекаверзная штука!
Кем кто рожден, тем, верно, и помрёт...
Один всю жизнь живет башибузуком,
Другой пред ним по-рабски спину гнёт.
Мой мавр, к примеру, королевской крови.
Уж как его судьбина не мотала!
И в рабстве был... Но не терял здоровья
И дослужился аж до генерала!
Имея в жилах крови голубой,
До генерала б доскакал любовью!
А я с пеленок в драной одежонке,
Не доедал, болел, был беден дом.
Одно умею лишь – копить деньжонки,
Что наживаю праведным трудом...
И до кого сумел я дослужиться?
Поручик я!.. От должности хоть плачь!
А в жилах тоже кровь, а не водица...
Уж лучше был бы я по должности палач!

Да что там я! Возьмите лейтенанта:
Невелика, как говорится, птица,
Но сын вельможий, вовсе без таланта,
А он вот в лейтенантишки годится!
На должность эту я имел права:
В сравнении с ним, я просто голова!
К тому ж имел штук пять рекомендаций,
Но где ж простолюдину с барином тягаться!
Я мыслию единою горю:
Я Кассио проклятого сморю!
Ну, а уж если спинет конкурент,
Я стану лейтенантом в сей момент!

Снующей жене:

Ну, что снуешь ты будто бы челнок!
Сбиваешь с мысли топотаньем ног!

Продолжает рассуждать:

Ан нет! Напомнила жена про цель:
Мой генерал ведь тот еще кобель.
Мою Эмилию он тоже поимел...
Застал, я помню, с ним она лежала...
Ох, был бы я чуть-чуть побольше смел
-Я бы вонзил в него кинжала жало!

А впрочем, коль убью я генерала,
Под чьим же буду я служить началом?
Да он по мне в Венеции всех баб
Пусть перетрахал бы, коли не слаб!

Но, впрочем, выкуси, Отелло, накось:
И на тебя найду я мщенья пакость!

Да не забыть бы: обещал Родриго

Свести его с красоткой Дездемоной.
Опутан он вконец любовным игом
И рвется в сети к ней неугомонно.
Но девица, признаться, не проста:
Как будто с Тинтореттова холста
– Красива, горделива и умна...
Ей, ясно, не до этого овна!
Он денег дал... Конечно, я не сводня!
Но обещал помочь ему сегодня.
Признаться, понадрал уже я лыка
С придурочного этого Родриго.

Сцена вторая: Знакомство Отелло с Дездемоной

Прием у венецианского дожа. Среди гостей – сенатор Брабанцио с дочерью Дездемоной; видный венецианский дворянин Родриго; генерал Отелло, родовитый мавр на службе у дожа; лейтенант Кассио, зам. генерала по политической и сексуальной части; Яго, поручик при Отелло; и прочая знать, кою не обязательно в лицо знать.

Голос за сценой:

В огни одеты, пылают жарко,
Дворец и площадь Святого Марка.
Гондолы плещутся у причала.
Толпа возбужденная ждет начала...
И в пламень факелов как бы обута,
Санта Мария де ля Салюта
Через Гранд Канал шлет свой салют
Туда, где гудит и толпится люд.
А в это время в самом дворце
Вся знать с выражением на лице
Туда-сюда павлинами ходит

В чем наслаждение, видно, находит.
Родриго, дворянского рода задрыга,
Свой распустивши павлиний хвост,
Ушками, будто зверок, задрыгал...

Пошто? Да ответ на это так прост:
Привлечь внимание Дездемоны
Пытается bon vivant-прощельга,
Смотрит умильно и даже влюбленно
На Дездемону бедняга Родриго!

Отец, Брабанцио, рад даже б был,
Чтоб пробужден был у дочки пыл...
Родриго - ведь пара совсем неплохая,
Хоть пьет, как акула, не просыхая!

Но Дездемона не смотрит, скучая,
Пьет преспокойненько чашечку чая.

Кассио (обращается к Отелло, глазами показывая на Дездемону):

Гляньте, Отелло,
Какое тело!
А пышный бюст?
Что розов куст!
А вишни уст?
А волос густ?
А что за бедра!
И смотрит бодро,
Достоинно, гордо...

Отелло:

Да, хороша, но тут подход нужен...
Устал я, братец, от чужих-то жен.
Вот коль была бы она девица...
Тогда бы без раздумий начал я кадриться!

ПЬЕСЫ

Кассио:

Чтоб удавиться
-Она девица!

Отелло:

Смотрю, что знаешь ты уж больно много:
Ведь коль девица, значит недотрога?..

Кассио:

Я знаю семейство
И знаю девицу...
Нет, вы не смейтесь,
Чтоб мне удавиться!
Она непорочна,
Это уж точно!

Отелло:

Ну, ладно, сделай мне с ней, право, randevu.
Но коли врешь – тебе я пасть порву!
И чтоб отныне ты к ней ни ногой,
Иначе кончишь жизнь в компоте с курагой!

Кассио:

Скажу вам, по части
Любовной страсти –
Обойди весь свет
– Вам равных нет...

Голос за сценой:

И вот уже вездесущий Кассьо
Подрулил к гондоле на своем баркасе.

Ни дать ни взять – поручик Ржевский:
Те же ужимки, те же жесты:

Кассио:

О, сеньорита,
Мой генерал
-Вон он, смотрите, -
Мне приказал:
Хочу красавицу
всех времен и народов.
Очень нравится –
Мне такая порода.

Голос за сценой:

Дездемона смотрит – черный гигант
Уж очень черный, но все же шармант!
И хоть не любила ухажерских послов,
Пошла за Кассио без лишних слов.
Ох, и утомил же Родриго зануда,
А тут вдруг повеяло любовным зудом:
Хрен ли, что черный! Заиметь генерала!
Эх, где наша не пропадала!
И вот под Родриговым взором озлѣнным,
Девушка уходит аллеей зеленой...
И вот Дездемона уже пред негром.
В воздухе тают звуки аллегро...

Сцена третья: Отелло и Дездемона

Голос за сценой:

Отелло, согнувши чуть кренделем руку,
Повел Дездемону подальше от звуков...

И вот в глубине, что в сени полумрака
Он пудрит красавице юные мозги,
Как в детстве тяжелом он жил, как собака,
Как бил его отчим, ломаючи розги,
Какие испытывал после невзгоды
Все эти мучительно долгие годы,
Как был он пленен и как в рабство попал,
О том, как из рабства удачно бежал...
В глазах Дездемоны весь мир вдруг поплыл.
В Отелло ж проснулся недюжинный пыл...
Она его за муки полюбила,
Но более – за смелость сильных рук.
И вот уж Дездемона потеряла силы,
И вот уж башмачков, с ноги упавших, стук...

Дездемона:

Нет, милый, не сейчас... Сегодня ночью...
Я проскользну меж стражников отца...
Чтоб сон любви почувствовать воочью...
Но не сейчас! Умерь любви гонца...
Оставь незапертою на ночь дверь...
И я приду, мой милый черный зверь!

Сцена четвертая: Грехопадение Дездемоны

Голос за кадром:

Под кровом ночи, тайно Дездемона
Сбежала страстью к мавру окрылённа.
И вот чернее черной ночи мавр
Ей овладел, как лошадьё кентавр...
Она от страсти бурной просто млеет.
Но вот светлей становится, светлее:

Ночь постепенно в окнах тает –
Светает...
Бела как астра Дездемона,
И будто уголь – черный человек...
Вот так, избегнув брачного закона,
Всю ночь любились, не сомкнувши век...

Сцена пятая: Брабанцио

По тихому утреннему венецианскому каналу плывет гондола с двумя сеньорами, коих имена Яго и Родриго.

Родриго:

Бр-р-р... Нонче ночью холодрыга...

Яго:

Нет, то любви твоей озноб, Родриго!

Родриго:

Молчи, подлец последний, Яго!
Нечистоплотный ты деляга:
Небось, не дрогнула рука-то
Слушить с меня полста дукатов!
Кто обещал мне, что оттель
Девицу отнесу в постель?!

Яго:

Очередное бабье тело!
Отелло шибко захотело.
У баб на черных нетерпеж!
И мне все это – в сердце нож!
Но что поделать, эти бабы

ПЬЕСЫ

На низ пред мавром этим слабы.
Ты вспомни, на Олимпиаде,
Едва увидев на параде
Команду черных эфиопов...

Родриго

Позор! Позор на всю Европу!
У скольких после итальянок
Родилось столько черных обезьянок!

Яго:

Я знаю, Дези у Отелло.
И действовать должны мы смело!
Вот северный сосед наш Ёлкин
Носил цветы какой-то тёлке,
Но жизнь в грехе не так проста –
Беднягу сбросили с моста!
Найдем управу на Отелло...
Страшней, чем ночью вострый нож
Венеции правитель – дож!
Спасем страну от беспредела –
Мы отомстим козлу Отелло!

Голос за кадром:

Тут Яго – будто гондольер –
Рулил веслом сверх всяких мер.
Найдя сенаторский причал
И выполняя акцию,
Забарабанил, закричал:
«Брабанцио, Брабанцио!
Проснись скорее, старый лох!
И ты узнаешь про подвох!»

Брабанцио:

Кто смеет нарушать покой?!
Эй, стража, ну а ты на кой?
Прогнать негодников взащей
Вон! Вон их от моих ушей!

Яго:

Сенатор, не спеши со гневом.
Из дома выкрадена дева.
Проверь по спальням – где же дочь?
А на дворе ведь ночь как ночь!
(Сказав это, Яго незаметно исчезает.)

Родриго:

И знаешь ты, где жалкая блудница
От гнева отчего в момент сей хоронится?
Да, белолицая твоя овечка
В чертогах у исчадья зла
Она сгорает будто в печке свечка
В объятых черного, как ночь, козла...

Брабанцио:

Ты мог бы говорить без шуток
И без дурацких этих прибауток?!
Сей эпизод мне более, чем жуток
Особенно в такое время суток...

Родриго:

Она... Она в отеле у Отелло...

Брабанцио воскликнул оголтело:

Отмщю я за поруганную дочь!
За мною - все, кто хочет мне помочь!

Голос за сценой:

И веселою гурьбой
Люди двинулися в бой.

Сцена шестая: Брабанцио у Отелло

Голос за кадром:

Ворвавшись в Отелловы покои,
Брабанцио воскликнул: «Вот грабитель!
Вот нарушитель моего покоя,
Что подло осквернил мою обитель!»
И вот из ножен вынуты мечи,
И обе стороны безмерно горячи.
Но тут среди умирающей ночи
Раздался стук, сих ратников тревожа
И появляется посланник дожа:

Посланник дожа:

По высочайшему его высочества указу
Явиться велено без промедленья, сразу
Вам, генерал, на экстренный совет.
И вам, Брабанцио, вы - государства цвет.

Брабанцио:

Ночной совет у дожа? Хорошо!
Вопрос пред ним поставлю я ребром:
Чтоб выбор свой, в конце концов, нашел
Между вельможей и вознесшимся рабом!

Сцена седьмая: Военный совет у дожа

Зал военного совета. За столом сидят дож и сенаторы.
Прочая мелочь теснится в отдалении.

Дожд:

Я получил тревожные известия,
А посему собрал вас ночью вместе:
Сурьезный дело принимает оборот –
С угрозою на нас идет турецкий флот.
Но вижу я, что вы не в полном сборе!

Кассио:

Брабанцио, Отелло будут вскоре...

Мажордом:

Сенатор Брабанцио и генерал Отелло!

Дожд:

Ну, вот и подкрепление поспело!
Отелло, срочно мчи, милок, на Кипр.
Будь, как всегда, умен, силен и хитр...
Ты там нужнее нам, чем легким воздух...
Спасай страну, пока еще не поздно!
На нас напали эти полудурки,
Как там их? Янычары али турки?

Отелло:

Венеция хоть малая земля
Жизнь отдадим ее мы славы для!

ПЬЕСЫ

Дож:

А ты Брабанцио, сенатский комитет
Возглавь. По наблюдению комет...
Ведь каждый знает, что достичь побед
Нельзя без изучения комет!

Брабанцио:

Готов служить я дожу и стране,
Но от беды моей ты не останься в стороне

Дож:

Но что случилось?

Брабанцио:

Дочь, о дочь моя!

Дож:

Что с ней?

Брабанцио:

Она погублена, а я унижен...
При том добавлю, дож мой, не тая,
Не обошлось при том без чернокнижья...

Дож:

Скажи мне, мой сенатор, кто злодей
И кто б он ни был, нет ему пощады!
Клянусь тебе я мантией своей
И площади Сан Марко колоннадой!

Брабанцио:

Злодея зришь – он прямо пред тобой,
Сей гнусный мавр, твой главный генерал...

Дож:

Г-м-м... Но посылаю я его на бой!
Не зря ль его ты имя замарал?!

Голос за сценой:

Другого б за такое дело
Венецианский дож уделал,
Но этот черный генерал...
Дож всех и вся в гробу видал:
Он опекал его не в дружбу,
А – что важней еще – за службу!

Брабанцио:

Нет, он злодей!

Дож (к Отелло):

Что скажешь, генерал?

Отелло:

Он врет. Я дочери его не крал!
Она сама пришла под кровом ночи,
И вовсе не потушив долу очи.
И лишь ступила на порог ее нога,
Отбросив мантию, пред мной предстала дева...
Глаза сияли, а сама совсем нага,
Ну, как в раю праматерь наша Ева...
Тогда ее я... Право... Не нарочно...
Я ведь не знал, что девица непорочна!

Брабанцио:

Как? Дочь моя, невинная тихоня
Пришла к хотливому козлу лишь в балахоне?
Нет, это он ее околдовал:
Не может же с углами быть овал!

ПЬЕСЫ

Не может пух колотья, как игла!
Нет, это ворожба ее подстерегла?

Отелло:

Забудьте все о мерзком чернокнижье,
О колдовстве, о сглазе, с ними иже.
Ее я покорил своей душой...

Брабанцио:

Так и поверил я! Молчи, козел душной!
Ублюдок, соблазнитель, подлый гнус!

Отелло:

Ну, полно вам! Ведь я на ней женюсь...

Дож:

Решаем так: послать за Дездемоной,
Чтобы скорей покончить с сварой оной!
И коль она Отелло подтвердит –
Покончим миром! Это мой вердикт.

Голос за сценой:

Приводят дочь, сбледнувшую с лица.
Потупив взор, не смотрит на отца.

Дездемона»

Ну, что ко мне вы вяжетесь вацце?
Да, я пришла к Отелло лишь в плаще...
Да, без церковного обряда обрученья
Прошла я плотской страсти обученье.
Что от того, что я была девица?
Ведь он пообещал на мне жениться!

Сменю я долг перед своим отцом
На долг пред этим черным молодцом...

Брабанцио:

Ах, потаскушка... Я-то, дурень старый!
Тебя за то постигнет Божья кара!
В Венеции не ходят под венец,
Сначала побывав в постели!
...В самом деле,
Какой постыдный для отца конец!..
Имей я не единственную дочь,
Я б, пережив позора эту ночь,
С оставшимися был бы я не робок –
До дня венчанья дал бы каждой пробок
Чтоб затыкали то, где их девичья честь...

Дож:

Ну, у кого еще вопросы есть?
Итак, вопрос, Брабанцио, с Дездемоной
Закрыт. Вопрос о Кипре тоже был решенный.
Пред тем, как нам по службам разойтись,
Я предлагаю мирный компромисс:
Дочь остается в доме у отца
И ждет Отелло до войны конца.
Так мы загладим этот аморал.
Брабанцио? Дездемона? Генерал?

Брабанцио:

Я против...

Дездемона:

Против я...

ПЬЕСЫ

Отелло:

И против я!

Дожд:

Ну, объясни мне, право, Дездемона,
Пошто и ты как кремень непреклонна?

Дездемона:

Дожд, я Отелло отдана
И буду век ему верна.
Я буду верная подруга
И в дождь, и в ветер, и в зной, и в вьюгу.
К тому ж скажу вам, мать их за ноги, -
Страшнее войн всех куртизанки.
Они его отнимут пыл
И то, чем он меня любил.
Я буду с милым день и ночь –
И изменить ему не смочь!

Дожд:

Ну, чудненько! Решаем очень просто:
Отелло – в бой, жену его – на остров:
Пусть ждет там своего Отелло,
Пока он с турками воюет смело.
А ты, Брабанцио, – в Кометный Комитет.
В повестке дня других вопросов нет!

Сцена восьмая: Родриго и Яго

Яго и Родриго уходят вместе, разговаривая по дороге.

Родриго:

Спаси меня, дружище Яго:
Попал я, право, в передрагу.
Без Дездемоны мне не жизнь...

Яго:

Не унывай, мой друг, держись!
Я ж обещал тебе помочь:
Как говорят, еще не ночь!
Поверь, красотка Дездемона
Забудет мавра-охломона!

Родриго:

А если нет, что делать, Яго?

Яго:

Что делать мне с тобой, бедняга!
Поверь, у черной кобелины
Ум краток, только фаллос длинный.
И не трухай, найдем мы, право,
На похотливого управу!
И у меня на суку зуб –
Моей Эмилии он что-то слишком люб.
И почему, скажи, сей беглый раб
Так действует на наших белых баб?

Акт II

Сцена первая: Яго

Яго опять сидит в задумчивости. В комнате никого нет.

Яго (размышляет вслух):

Вот навалился на меня клубок проблем!
Я задолжал как будто прямо всем:
Мое отмщение Отелло за Эмилию...
По Кассио сучает челюсть крокодила –
Его сотру в стиральный порошок...
Да тут еще Родриго, мой дружок:
По Дездемоне сходит он с ума –
Его щедрот полна моя сума...
Но обещаньям всяческим есть срок –
Невыполнение обещаний есть порок!
Так-так... А если в одночасье
Разделаюсь с Отелло я и с Кассьо?
Скажу Отелло, будто адъютант
Имеет с Дездемоной роман.
За это Кассио башки не снести,
А заодно и для Отелло мечь:
Пусть поскрипит зубами, что жена
С каким-то адъютантом неверна.
Какой позор! Ну, ладно б, отдалась
Когда б то был венецианский князь...
А коли с адъютантом адюльтер –
Позорище превыше всяких мер!
Чтобы Отелло как-то услужить,
Возьмусь я адъютанта погубить,
А сам спущу с цепи Родриго...
И буду наблюдать за ходом игр!
Родриго кончит Кассио, но тут

И самого его немедленно убьют
Иль упекут пожизненно в тюрьму.
И денежки его я не верну ему!
Не плох мой результат финальный:
Отелло по уши в дерьме,
По Кассьо служба поминальна,
Родриго – мертв, либо в тюрьме.

Сцена вторая: Прибытие Отелло

Кассио, Яго и другие не столь важные персоны ожидают прибытия Отелло. Раздается пушечный выстрел: дозорный увидел на горизонте парус. Толпа радостно кричит. Вот корабль и прибыл...

Дездемона:

Корабль все ближе... Боже, я горю...
Вдруг он погиб? Но что я говорю?..

Кассио:

В тревоге вашей вы прекрасны!
Но ваши опасения напрасны.
Ваш муж, уверен, цел и невредим.
Да пусть развеются тревоги, словно дым!

(Очень деликатно целует ей кончики пальцев.)

Яго (к Родриго):

Смотри, как он на Дездемону пялится,
Как нежно он ее целует пальцы!..

ПЬЕСЫ

Родриго:

Ну, это лишь обычная любезность...

Яго:

Мозги твои, Родриго, бесполезны!
Не зря же говорят: Коль коготок увяз,
Вся птичка пропадает враз!
Твой истинный соперник – лейтенант,
А генерал лишь солдафон-педант.

Корабль причалил к пристани. Первым по трапу по-юношески легко сбегает Отелло – чего только не сделает любовь с мужчиной!

Отелло:

О, женушка моя!

Дездемона:

Мой муженек!
Как рада я, что ты добраться смог!
Что избежал лихую ты напасть:
Ведь враг мог на тебя в пути напасть!

Отелло:

О, Дездемона, не твои ли чары?
Погибли в бурю злые янычары!
Так победили мы врага без битвы...
И не твои ль нам помогли молитвы?

Отелло и Дездемона уходят обнявшись.

Сцена третья: Праздник

В честь нечаянной победы над турками Отелло объявил празднество. Дворец открыт для всех. Кассио и Яго на карауле. Рядом болтается Родриго в наряде солдата.

Яго:

Друг Кассьо, выпьем по бокалу,
И славу воздадим родному генералу!

Кассио:

Мой друг, но я совсем не пью

Яго:

Не выпьешь и за родину свою?!

Кассио:

За родину... Ну, это вроде надо –
За родину я выпью даже яду!

Кассио пьет. В это время в зал вваливается толпа солдат.

Яго:

Солдаты – наша воинская сила!
Без них нас вражья стая б покосила.
Не выпить с ними – это просто грех.

Кассио:

Ну, хорошо, всего одну за всех.

Яго:

Ну, а теперь-то выпьем за Отелло?

ПЬЕСЫ

Кассио:

Давай! Я стал чевой-то очень смелый.
Я всех люблю...

Яго:

Включая Дездемону?

Кассио:

А в Дездемону всяк у нас влюбленный!

Яго (шепчет Родриго)

Я говорил тебе, с глазами пень,
Их связь ясна теперь, как Божий день.

Кассио, шатаясь, идет. Ему попадается Родриго, который что-то ему говорит, Кассио начинает за ним гоняться, спотыкаясь и чуть не падая. Монтан, прежний губернатор Кипра, делает ему замечание. В ответ Кассио серьезно ранит его шпагой. Появляется Отелло. Видит Яго, растаскивающего дерущихся.

Отелло:

Мгновенно перестать! Что здесь за балаган?!
Где ваша честь венецианских офицеров?
О Боже, вы в крови, синьор Монтан!..
А Кассио? Да вы пьяны без меры!
Я накажу за это вас примерно.

Остаются Яго и Кассио.

Яго:

Вам нужен бы теперь режим постельный..
Вы ранены, мой друг?

Кассио:

Смертельно...

Яго:

Не может быть! О Кассио! О Боже!

Кассио:

Я честь свою навеки потерял.

Яго:

Ну, это запросто вернуть мы можем:
Честь – это эфемерный матерьял!
Чтоб дело не пускать по рельсам дальше,
Совсем немного нужно предпринять:
Всем правит в гарнизоне генеральша,
А значит, надо бы с нее нач^ать!

Кассио:

Нет, не нач^ать, а нач^ать...
Наш генерал не говорит иначе!

Яго:

Не надо поучать!
Пусть говорит, как хочет – он сильнее!
Давай вернемся к нашей Дульцинее.
У Дездемоны добрая душа,
За вас ей попросить не стоит и гроша.

Кассио:

Ты настоящий друг, мой добрый Яго!
Ну, и попал я братац в передрягу!

Акт III

Сцена первая: Кассио у Дездемоны

Сад во дворце. Яго увел Отелло от Дездемоны, а Эмилия привела к ней Кассио.

Дездемона: (обращаясь к Кассио):

Я сделаю для вас, что в силах.
Без ваших просьб уже за вас просила...

Эмилия:

Мой Яго тоже офигительно расстроен,
Судьбою Кассио он так обеспокоен!

Кассио:

Коль помогли бы мне, тогда б
Я был ваш преданнейший раб...

Дездемона:

Попробую, где лестью, где уловкой.
Как говорят, держите хвост морковкой
Я думаю, что нет причин для беспокойства:
Не безнадежнейшего дело свойства!
Могу добавить я к тому ж:
Вас просто обожает муж!

Эмилия:

Сударыня, вернулся господин.

Дездемона:

Он пришел один?

Эмилия:

Нет с Яго...
Устала что-то я, пойду, прилягу...

Дездемона:

Иди...
(к Кассио) А лейтенант – останьтесь.

Кассио:

Нет, нет! Я не в себе, я в трансе...
Являю жалкий вид сейчас...

Дездемона:

Ну, хорошо. Я поборюсь без вас.

Входит Отелло, с ним Яго. Перед тем в коридоре мелькнула тень уходившего Кассио.

Отелло:

Не Кассио ль тень мелькнула в коридоре?

Яго:

Не может быть! Чтоб он с повадкой вора...
Или быть может... Нет! Долой сомненья!

Отелло:

Чем объяснить, скажи, твое волнение?

Яго:

Вы говорили, Кассьо с Дездемоной
Знакомы были аж во время оно?

ПЬЕСЫ

Отелло:

Да... Что же из того? Мой друг,
Ты что-то подозрительным стал вдруг!

Яго:

Блажен, кто верует... Не тот несчастен,
Кто обманут, но не знает об обмане.
А тот, кто ревностью разорванный на части
Не носит доказательства в кармане.
По мне уж лучше ведать про измену:
Я сам тогда за всё назначу цену!
Откланяться позвольте, генерал.
Я, право, вам на нервах не играл.

Отелло:

Но все ж намеками ты мне не пролил свет...
Что делать с Кассио? Что будет твой совет?

Яго:

Повременили бы снимать взысканье:
Следить всегда удобней с расстоянья.

Яго уходит. Отелло остается один, хмур и задумчив. Входит Дездемона.

Отелло (про себя):

Пришла... Неужто неверна жена?
При этом так естественно притворна...
Иль, может быть, она уже заражена
Тлетворным лицемерием придворным?
Нет, не поверю в мерзостный поклеп,
Иначе жизнь зачем? Уж лучше сразу в склеп.

Дездемона:

Мой милый, что ты хмур, тяжелый взгляд?..
Тебя какие-то события, видно, злят?
Испарина... И губы так влажны...
Иль ты не рад присутствию жены?

Отелло:

Нет, ничего... Я, видимо, устал...

Дездемона:

Дай я платком своим утру твои уста.

Отелло отмахивается, платок падает на пол. Он встает с кресла, и они с Дездемоной направляются в обеденную залу. В комнату входит Эмилия.

Эмилия:

Вот чудеса! Платок любимый свой
Забросила под кресло госпожа:
Ведь сей платок престранный носовой
Она носила, им ужасно дорожа.
Мне говорила, что платок из дальних стран,
Что это матери Отелло талисман.

Появляется Яго, видит в руках у Эмилии платок.

Яго:

Что это?

Эмилия:

Госпожи платок,
Подарок свадебный Отелло.

ПЬЕСЫ

Яго:

А ну-ка, дай мне посмотреть чуток.
Не дашь? Ты что – по шее захотела?

Эмилия отдает платок Яго.

Яго:

Вот так-то лучше, а теперь линяй!
А о платке забудь, не вспоминай.

Эмилия поспешно уходит. Едва Яго успевает спрятать платок в карман, появляется Отелло.

Отелло:

Опять ты здесь? Сгинь, сатана!
Лишил меня спокойствия и сна.
Я в пропасть мчусь, забыв про тормоза,
Хотя никто мне ничего не доказал!
Но знай, копь ложен твой навет,
Прощайся с жизнью ты в расцвете лет!

Яго:

Копь дело приняло подобный оборот,
Скажу вам, лейтенант утер вчера свой рот
Платком, что вы супруге подарили...

Отелло:

Ох, лучше б турки в битве уморили!..
Мой друг тебя я отблагодарю:
Тебе я званье лейтенанта подарю.
За это лейтенанта замочи
И не позднее завтрашней ночи!
А я пойду наведать дьяволицу.
Ах, только б мне с копыт не повалиться,

Пока не завершу свою я месть
И не отмщу за руганную честь!

Яго (про себя):

Смотри, маврушка,
За своей марфушкой.
Держи-ка ушки
На макушке!

Да, славно закрученный сюжет!
Как говорят: семь сбоку - ваших нет.

Сцена вторая: Злополучный платок

Во дворце. Дездемона с Эмилией. Входит Отелло.

Дездемона:

Мой милый, ты, как прежде, хмурый.
А я назойлива к тебе все с той же просьбой:
На место Кассио другой кандидатуры,
Кроме него, найти не удалось бы!
Я Кассио велела отыскать и привести сюда...

Отелло:

Зачем искать? Не стоило труда!
Я что-то и взаправду занемог...
Дай мне, пожалуйста, платок.

Дездемона:

На, милый.

ПЬЕСЫ

Отелло:

Нет, не тот...
Об этот не хочу марать свой рот!
Дай тот, что мать моя когда-то подарила.
Он обладает чудодейственной силой.

Дездемона:

Где тот платок, я, право, и не знаю,
Но я найду его сегодня к чаю.
Давай о деле говорить, милоч.

Отелло:

Платок!

Дездемона:

Другое слово молвить ты бы смог?

Отелло:

Платок!!

Дездемона:

Ты так кричишь – обрушишь потолок!

Отелло:

Платок!!!

Отелло уходит. Появляются Кассио и Яго.

Дездемона:

Что скажете мне, Кассио?

Кассио:

Увы,
Не снести моей повинной головы...

К вам, как на плаху, добрая синьора...
А впрочем, и взаправдашняя скоро –
Я говорю о настоящей плахе...

Дездемона:

Мужайтесь! Не идут вам «охи-ахи»...
Пока для вас вестей хороших нет,
Но ведь в конце тоннеля – будет свет!

Сцена третья: Опять этот платок...

Кассио находит платок Дездемоны, подброшенный ему Яго, и с любопытством разглядывает его загадочный узор. Входит его любовница Бьянка, которая, по правде говоря, ему изрядно поднадоела. Неслышно шедший за Бьянкой Яго замирает подле неплотно прикрытой двери.

Бьянка:

Привет, солдат! Давно не воевали,
Как помнишь, по весне на сеновале?

Кассио:

А ты где это время пропадала?
Блудила по соседним сеновалам?

Бьянка:

Ну, что поделывать, милый, если Бьянка
Такая у тебя – не лесбиянка,
Ей так нужны мужские страсть и пыл...

Кассио:

Да, извини, про это я забыл!
Ну ладно, переменим разговор:

ПЬЕСЫ

Могла бы ты вот это снять узор?

Бьянка берет платок и рассматривает узор.

Бьянка:

Да, милый, за тобою глаз да ухо!
С какою без меня сошелся шляхой?

Кассио:

Поверь, платок неведомо попал...

Бьянка:

Ну да, когда ты с этой шляхой спал?

Кассио:

Ну, я смотрю, не выйдет разговору,
Отложим лучше на другую пору.
Давай с тобой устроим договор:
Придешь, когда скопируешь узор.

Бьянка:

Мой милый, я ведь только пошутила!
Я вся сгораю от безумства пыла,
Я крови жажду с жадностью вампира!
Пронзи скорей меня своей рапирой...

Кассио:

Нет, уходи.

Бьянка с платком, чуть не плача уходит. Стоявший за дверью Яго неслышно смывается, довольно улыбаясь: у него созрел план.

Акт IV

Сцена первая: «Докручивание» Отелло

Отелло и Яго прогуливаются по двору дворца.

Яго:

Здесь, может, просто гроздя дружбы,
А дружбе поцелуи ведь не чужды.
А после поцелуев, в самом деле,
По-дружески окажешься в постели...
Ну, это просто домыслы пустые –
Не более чем залпы холостые...
Но факты, факты? Видел я вчерась ее
Почти в обнимку с лейтенантом Кассио.
Но, может то моя галлюцинация?
Ведь мог я в полумраке обознаться...
Насчет платка: ты подарил – теперь её,
Ну, а она вольна дарить свое!

Отелло:

А честь её?! Ведь ей принадлежит!
Так значит, с кем захочет, с тем лежит?

Яго:

Честь – это призрак, это дух святой.
Не к каждому она стучится на постой.
Иные проживут аж до ста лет,
А с честью встречи не было и нет!

Отелло:

Но все ж представить не могу измены

ПЬЕСЫ

Яго:

Увы, эфир не взвесишь на безмене!
Но коль вы верите еще своим ушам,
Я очевидные свидетельства вам дам.
Вы спрячьтесь здесь, за этой темной шторой,
Я ж безотказный план реализую скоро:
Схожу за Кассио, спрошу про Дездемону
И поведу расспрос бесцеремонно,
В какие игры он играет с ней...

Отелло:

Ну что ж, давай! Так было бы верней...

Яго уходит за Кассио, находит его. Они направляются в комнату, где за занавесью прячется Отелло. Яго начинает разговор с Кассио, идя еще по коридору, чтобы финальную его часть проговорить в присутствии генерала.

Яго:

Ну, как дела дружище? Тыщу лет
Я, кажется, тебя уже не видел.
Дисциплинарный был уже Совет?
Тебя поздравить? Ты уж в прежнем виде?

Кассио:

Увы... Давай о чем-нибудь другом...

Яго:

Давай, о чем-нибудь для сердца дорогом.
Забудем дело, связанное с пьянкой...
А как дела твои с твоей подружкой Бьянкой?

Входят в залу, где прячется Отелло, продолжая разговаривать.

Кассио:

Все так же тянет каждый раз в кровать,
Ночь поцелуями меня готова покрывать.
Но от нее, сознаюсь, уж устал –
Она хоть сексапильна, но пуста.

Яго:

Но все же расскажи мне, как она?
Она тебе по-прежнему верна?
Слегка муссируются, правда, слухи...

Кассио:

Слегка? Да мир не знал подобной шлюхи!
Ей, видите ли, нужен страстный и пыл...
Ей нужен жеребец, кобыле из кобыл!

Отелло за занавесью играет желваками и вздымает молча кулаки.

Яго:

Но, говорят, ты обещал на ней жениться?

Кассио:

Нет, не дождется эта кобылица!
Чтоб делать из меня рогатого оленя?
Я лучше бы женился на полене.

Входит Бьянка.

Кассио:

Ну, что, исполнила наш договор?

Бьянка:

Подлец, ублюдок, кобелина, вор!

ПЬЕСЫ

Мою любовь сумел ты затоптать!
Платок ему скопируй, вашу мать!

Яго делает условный знак, покашливая, и Отелло выглядывает в щелочку между занавесями. Он видит платок Дездемоны в руках Бьянки!

Бьянка (продолжает):

С какою ты вожжался потаскушкой,
Что расплатилась этою игрушкой?
Не буду я снимать с него узор:
Для честной девушки, как я, какой позор!

Бьянка убегает. Яго посылает Кассио догнать ее и успокоить.

Отелло (выходя из-за занавеси):

Спасибо, друг... Ты честно поработал...
Теперь осталась лишь одна забота:
Как Дездемону с Кассио отмстить?
Быть может, яду страшного купить?

Яго:

Зачем же яд? Для чести генерала
Не лучше ль на постели, что она марала
Ее слегка сначала оглушить,
Затем греховною подушкой задушить?

Отелло:

Да это будет очень справедливо...

Яго:

А мне достанется пусть пес блудливый!
Найду я быстрый путь и верный
Избавить вас от этой гнусной скверны.

Отелло:

Благодарю тебя! Ты – настоящий друг.
Жаль мало здесь таких у нас вокруг!

Сцена вторая: Заговор Яго и Родриго

Родриго:

Я чувствую, меня ты водишь за нос.
Я просадил с тобою капитал...
Скажу по чести, мне давно казалось,
Что я деньжатами тебя зазря питал:
Ведь к Дездемоне не приблизился я, Яго...

Яго:

Да ты, брат, я не знал, еще и скряга!
Коль хочешь получить товар – плати!
Не бойся, мы на правильном пути:
От дожа поступил вчера приказ
Поставить Кассио над Кипром, не Отелло...

Родриго:

Скажи, но как это коснется нас?

Яго:

Вот в этом-то, Родригушка, и дело!
Коль будет так, то мавр с своей женой
Уедет в Мавританию на покой...
Иначе говоря, любовь твоя тю-тю.

Родриго:

Я утоплюсь! Я кончу жизнь свою!

Яго:

Вот-вот, того нам только не хватало.
Дурак, сейчас момент, подняв забрало,
Бороться за любовь великую свою
Или погибнуть в праведном бою!

Родриго:

Но с кем борьба, кто враг, скажи мне, Яго,
Я за любовь свою, клянуся, костью полягу!

Яго:

Вот это речь не мальчика, но мужа!
Что делать? Кассио мочить! Он нам не нужен.
Коль убереешь его с своей дороги,
То сразу Дездемона замаячит на пороге!

Акт V

Сцена первая: Убийство Кассио и Родриго.

Улица около дворца. Поздний вечер. Яго с Родриго в тени дерева. Появляется Кассио.

Родриго (набрасывается сзади с кинжалом на Кассио):

Ты заслужил сей жребий, ловелас!
Пес похотливый, смерть тебе награда!
Теперь навек с моих исчезнешь глаз,
Исчадьё гнусное Чистилища и Ада!

Родриго вонзает длинный нож Кассио под лопатку. Тот падает на мостовую.

Кассио:

На помощь, стража! Я смертельно ранен!
Я чую смерти дух... И мир стал странен!
Иль это так кружится голова?
И путаются мысли и слова...

Родриго (обращается к Яго):

Нам надо уходить! Нас стража окружает!

Яго:

Мой друг, тебе ничто не угрожает.

Яго вонзает кинжал в живот Родриго.

Родриго (жадно глотая воздух):

К-а-ак?.. Ты негодяй, не просто мелкий плут!..

Яго (с циничной улыбкой):

Сказать осталось лишь: «И ты здесь Брут!»

Родриго падает замертво. Появились бегущие стражники. Яго наклоняется к Кассио, у того изо рта стекает струйка крови.

Яго:

Мой друг, я здесь! Очнись, очнись...

Кассио:

О, верный Яго... Отлетает жизнь...
Прошу одно... Снеси платок обратно...
Он – Дездемоны... Мне Эмилия сказала...
Она была не слишком аккуратна,

ПЬЕСЫ

Платок тот обронив в одном из залов...
Как он попал ко мне, я в неведенье...

Яго (берет платок Дездемоны и говорит Кассио):
Дай посмотрю, глубоко ли раненье...
Быть может, тяжело, но не смертельно...
Зачем прощаться с жизнью скороспелно?

Взявшись через платок за рукоятку, втыкает нож еще глубже. Кассио предсмертно дергается и затихает.
Подбегают стражники.

Яго (показывая на Родриго):
Вот этот негодяй напал на Кассио с ножом,
За что потом был мною насмерть поражен.
К несчастью, я опоздал всего на миг,
И нож грабителя так глубоко проник!
Возможно, это был простой грабитель,
Но почему на нем солдатский китель?

Стражники берут трупы и отправляются в гарнизон.
Яго тоже уходит, рассуждая про себя.

Яго:
Отправлен в лучший мир соперник мой.
Родриго тоже поплатился головой...
Пожалуй, я переборщил с Отелло:
Придушит Дездемону, как котенка,
Сам попадет в тюрьму за это дело...
Без генерала нет у адъютанта работенки!
Нет, это надо быстро отыграть!
И про платок полправды рассказать.
Ревнивец черный раскален до белого каленья...

Ох, это африканцев поколение!
Итак, вперед, к Отелло на поклон!
Да и жену спасу: не много в мире Дездемон!

Сцена вторая: Убийство Дездемоны

Одновременно с событиями на улице, где убиты Кассио и Родриго, в чертогах замка происходило следующее.

Отелло (про себя):

Она умрет, чтоб больше не грешить:
Ее сегодня же я должен порешить.

Подходит к ложу, на коем лежит уже задремавшая Дездемона.

Дездемона:

Отеллушка, ты здесь? А я уж полусонна...

Отелло:

Молилась ли ты на ночь, Дездемона?

Дездемона:

Да, милый. Но к чему вопрос подобный?

Отелло:

Он что, не слишком для тебя удобный?
Быть может, есть грешок, что не замолен?

Дездемона:

Скажи, мой милый, чем ты недоволен?

Отелло:

Пред смертью замоли грехи, блудница,

ПЬЕСЫ

Чтоб чистою предстать пред Божье лице!

Дездемона:

Что случилось? Так ты скажи мне, что же:
Я пред тобой чиста, как Ангел Божий.
А разве грех моя любовь к тебе?..

Отелло:

Нет, ты умрешь, и не перечь судьбе!
Ты подарила Кассио платок?

Дездемона:

Отелло, как ты так подумать смог!
Души спасением клянусь, что нет...

Отелло:

Скажи по-честному пред смертью, мой совет.

Дездемона:

Платок могла я где-то обронить...
Но разве можно за такой пустяк бранить
И смертию грозить тем паче?

Отелло:

По Кассио давно кинжал уж плачет!
Умри и ты!

Отелло душит Дездемону, та пытается вырваться, но безуспешно... Ее конвульсии стихают. В это время раздается стук в дверь.

Отелло выходит, закрывая за собой дверь в спальню. В зале собрались вельможи. Впереди всех стоит запыхавшийся Яго.

Отелло:

В чем дело Яго? Ты никак дрожишь?

Яго:

Мой генерал, коль ты супругой дорожишь,
Послушай мой рассказ...

Отелло:

А Кассио убит?

Яго:

К несчастью, вечным сном бедняга спит!

Отелло:

К несчастью?

Яго:

Да я вам сейчас
Поведаю мой горестный рассказ.
Платок он тот нашел в одной из зал,
Как умирая, он мне рассказал.
Платок увидела при нем моя Эмилия,
Сказав: «Ба! То платок моей хозяйки милой!»
И Кассио спешил успеть до ночи
Вернуть платок хозяйке непорочной...

Отелло:

Как Кассио погиб? Не ты ль его зарезал?

Яго:

Нет, я его спасти хотел от рук головореза.
Но опоздал на миг, хоть и убил злодея.

Отелло:

О, Боже правый! Что же я содеял?
Моя опора, мой любимый Яго!
Тебя я в лейтенанты произвел
Ты выступишь в любую передрагу.
Ты победишь и зло, и произвол...
И коль Венеция поддержит мой вердикт,
С тобою будущее Кипра впереди!

Отелло вынимает кинжал и закалывает себя. Яго с глупой миной недоумения оглядывается по сторонам. Вельможи молчат, а потом почтительно склоняются перед Яго.

Сцена третья: Финал

Зачитывается Указ дожа о повышении Яго до генеральского чина и назначении его губернатором Кипра. Яго стоит, надувшись, как индюк. Вельможи преклоняют пред ним колена...

Эпилог

Что, неожиданнейшая концовка?
Подлец обвел вокруг пальца слишком ловко?
Где справедливость? Где же суд над Яго?
Конечно, засудил его и я бы,
Но...
Откроем в настоящее окно!
Ты начитался, видно, классики, чудаки?
Одно писал Шекспир... А в жизни все не так!
Согласен ли, мой друг?
Нет? Посмотри вокруг:

Зло процветает, гибнет благородство.
Над красотой царствует уродство.

Несправедливость правит в мире пир.
И в благоденствии земном живет вампир...
Ну, а чванливо-справедливая Фемида –
Она сурова, скажем прямо, только с виду:
Она неправого скорее оправдает,
А правый у нее почти всегда страдает...

Так щука съела карася –
Вот и сказка вся!

1-3 июля 2002 г.

*Сан Диего,
Калифорния*

ИГРЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ МАНЬЯКОВ

(маленькая пьеса про больших засранцев)

Акт первый

*Перифразируя лорда Актона³,
можно сказать, что сила развращает, а
неограниченная сила развращает
неограниченно.*

Сцена первая.

Сидит Чейни, развалясь в кресле, положив ноги на стол. Рядом, ближе к залу, в позе ученика, сложив ручки на коленях, сидит Буш. Он весь внимание. Чейни, глядя в потолок, вдруг произносит.

Чейни: Жорик, почему бы нам не пощекотать русских?

Буш: А и впрямь хорошо бы! А то уж руки чешутся: без Хусейна как-то жить стало скучновато...

Чейни: Вот-вот... Ирак уже сходит на нет. Вопли стоят – кончайте войну, да и сами иракцы туда же. Мало им нашей свободы, своей захотели!

Буш: Да... Не успели... А что же с русскими-то нам делать, Дик⁴?

Чейни: Жорка, сукин сын, сколько раз говорил тебе, что я не Дик, а Рик! Ведь дик – это так в простонародье

³ Лорд Актон – английский историк и политический деятель, которому принадлежит высказывание: «Власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно»..

⁴ «dick» - простонародное название мужского члена.

член мужской называют! А то ведь и я тебя могу назвать не Жора, а Жопа!

Буш. Извини, Дик... Ой, Рик!

Чейни. Что делать? А ты посоветуйся со своей экспертной по России, может что подскажет. Завтра утром, чтобы доложил мне по форме!

Буш. Конди, Конди! Кыс-кыс...

Появляется Райс с копачьими повадками.

Буш. Конди, ты у нас самая кондовая по части русских. Как бы нам лучше пощекотать их?

Райс. Мистер Президент... Я бы не стала. Они и так уже загнаны нами в угол... Эти наши базы аж под Петербургом... Уже Эстония с Польшей под НАТОвским каблучком... Озлятся! Да еще эта Джорджия... Она у русских, как бельмо на глазу...

Буш (испуганно). А что русские в Джорджии?! А почему мне не доложили?! Так они и до моего ранчо в Техасе доберутся тихой сапой! Что, под видом нелегалов из Мексики?

Чейни. Да, Жорик... Слабоват ты мозгой... У них своя Джорджия есть! Кончай дурить! Закончи с Конди.

Буш. Ну, слава богу!.. Признаюсь, слаб я в геометрии и географии... Конди, так какую бы пакость нам учинить русским?

Райс. Мистер Президент, я бы не советовала... И вам, мистер Вице-президент...

Чейни. Кстати, молилась ли ты на ночь, Кондолиза? Хы-хы...

ПЬЕСЫ

Райс: Это угроза?

Чейни: Нет, намек... Ха-ха! Ну ладно, ладно, я пошел. Главное – наши цели ясны, наши задачи определены. За работу!

Чейни лихо сбрасывает ноги со стола и со своей обычной глуповатой ухмылочкой выходит из кабинета.

Буш: Вот что, Конди. Ни хрена ты не понимаешь в политике. Так что там, в русской Джорджии?

Райс: Там наш человек, Михаил Саакашвили...

Буш: Это ничего, что он Саакашвили – зато наш!

Райс: Он – Саакашвили...

Буш: Да будь он хоть Сракишвили! (смеется) Главное – что наш!

Райс: Так вот, Саакашвили очень хочет вернуть себе Осетию... Но там много осетин и они не хотят...

Буш: А чего эти осетры не хотят?

Райс: Не осетры, а осетины. Это тамошнее население. И их поддерживают русские. Там их войска, которые сдерживают осетин, чтобы они не перерезали грузин. Так вот, осетины не хотят быть в составе Джорджии...

Буш: Не хотят, пусть самоопределяются. Ведь есть же право наций на самоопределение!

Райс: Да, это еще Ленин говорил...

Буш: Это тот русский с усами?

Райс: Нет, с усами это был Сталин. И он был не рус-

ский, а грузин... И был лысый, как колено.

Буш: Ну, Конди, ты молодец: знаешь Россию, как свои двадцать пальцев! Ну, и что там этот – как его? – Мочешвили?

Райс: Так вот, но наш Саакашвили хочет их вернуть себе.

Буш: Хм... Окей, ну пусть Сукашвили берет их себе, раз хочет. Он же наш друг! Заодно и русским покажем, как это? Ах да – мать Кузьмы!

Райс: Но...

Буш: Ты не «нокай»! Звони этому Сукиному Швили, чтоб брал Абсетию... или как ее там. Исполняй! Одна нога здесь – другая там!

Сцена вторая

Кабинет Путина. Секретарша открывает дверь и входит Начальник ГРУ – генерал, обвешанный медалями.

Начальник ГРУ: Господин Президент, разрешите доложить!

Путин: Будь проще! Я не Президент, но это не важно. Что там у тебя?

Начальник ГРУ: Грузины стягивают войска к границам Южной Осетии. Подтянута танковая колонна, несколько установок «Град»...

Путин: Думаешь, что нападут на Цхинвали?

Начальник ГРУ: Не думаю. Побоятся. Скорее это они перед НАТО бахвалятся и проверяют нас «на вши»

ПЬЕСЫ

вость». Зная вас, Владим Владимыч, непременно побоятся (*глуповато подхихикивает*)

Путин: Ну, а если Дима уедет на рыбалку, куда подальше, а я ... Ну, куда бы мне? Ну, к примеру, хоть на Олимпийские со своим дружбаном – ха-ха – Жоркой повидаться, как думаешь, осмелятся?

Начальник ГРУ: Кто знает...

Путин: Ну, это ты должен знать!

Начальник ГРУ: Так точно – осмелятся, коли руководства не будет у руля. Но у нас все готово к отпору. Мы их в яичный порошок сотрем!

Путин: Ну-ну, не горячись! А ежели денек-другой отпора не давать, а только с боями отдавать позиции, что будет?

Начальник ГРУ: Цхинвали сотрут с лица земли...

Путин: Так-так...

Начальник ГРУ: Потом танки введут.

Путин: Так-так...

Начальник ГРУ: Ну, а мы-то когда будем отвечать?

Путин: А вот когда они увязнут, мы объявим миру об агрессии и замочим агрессоров в сортире под аплодисменты прогрессивного человечества!

Начальник ГРУ: Ой, Владим Владимыч, не голова у вас, а Моссовет!

Путин: Ну, ладно, иди с богом. Передай план Министру обороны. Но чтобы два дня продержаться! И без контратак – иначе голову сверну!

Начальник ГРУ: Слушаюсь! Разрешите исполнять!

Путин: Ну, иди-иди, дружок, мне нужно еще Диму проинформировать.

Путин задумчиво смотрит в потолок, потом ухмыляется и набирает номер.

Путин: Дим, привет! Ну, ты уже на Волге?

Медведев: Привет, Вован! Нет, я на мерседесе...

Путин: Понимаю, что не на жигулях! Ты едешь на рыбалку завтра?

Медведев: Да. А что? Нельзя?

Путин: Нет, как раз наоборот – можно. И не бери с собой мобилку. Будет нужно – тебя не найдут.

Медведев: А что случилось?

Путин: Еще не случилось, но случится. Через два дня на нас внезапно и вероломно нападет Грузия...

Медведев: Как? Как?!.. Какая рыбалка! Я мчусь в Москву!

Путин: Дима, исполняй, что сказано. Ловись рыбка большая и маленькая, хорошо?

Медведев: Значит, ты...

Путин: Нет, а я полечу в Пекин на Олимпиаду.

Медведев: Значит, я...

Путин: Дима, кончай самодеятельность! Делай, как говорят!

Путин вешает трубку. Встает, потягивается.

Сцена третья.

Кабинет Кондолизы Райс на левой части сцены, кабинет Саакашвили на правой. Сцена разделена высоченным аквариумом, в котором плавают живые осетры.

Райс: Хэллоу, хэллоу! Это Мишико?

Женский голос: Какая я тэбэ Мышико? Опят к моему мужу пристаиош? Я тэбэ покажу сукина доч, как чужих мужей отбиват! И зовут его нэ Мышико! Иш, лярва, конспитацию придумала!

Райс: Извините, я не туда попала...

Женский голос: Туда – не туда! Гляди, а то я тэбэ туда, куда надо, попаду! Ноги нэ сдвинэш!

Короткие гудки. Смушенная Райс отдуваясь, звонит опять.

Райс: Хэллоу...

Делает выжидательную паузу.

Женский голос: Приемная Президента...

Райс: Уф-ф-ф! Это Госсекретарь Соединенных Штатов Америки!

Женский голос: Кончай мозги пудрить. Президент просил меня на работе с его блядьми не соединять, кем бы они ни назывались!

Райс: Посмотри, дура, на определитель номера!

Женский голос: Ой-ой! Извините, госпожа Гондолиза! Одну секундочку...

Саакашвили: Конди, привет!

Райс: Привет, Мишико. У меня к тебе дело.

Саакашвили: А я думал тело! Ха-ха!

Райс: Не время для твоих глупых грузинских шуточек. Надо начинать войну с Южной Осетией. Срочно!

Саакашвили: Как войну? Да я... Да мы...

Райс: Ну, что, псих, опять в штаны наклаал?

Саакашвили: Но я только утром сообщил русским, что начну переговоры об урегулировании...

Райс: Ты меня слышал или нет?!

Саакашвили: Да-да... Коли Георгий Георгиевич... то бишь, Джордж сын Джорджа велят, я как юный пионер, э-э-э, как юный бойскаут – «Всегда готов!» (*Делает рукой пионерский салют.*)

Райс: Вот и хорошо! Русские не ждут атаки, да и страна сейчас без головы...

Саакашвили: А Россия всегда без головы! Хи-хи...

Райс: Сообщаем тебе, что Медведь на рыбалке, а Дзюдоист в Пекине.

Саакашвили: Ну, коли надо...

Райс: Надо, Миша, надо!

Саакашвили: А в НАТО примете?

Райс: Сейчас не время для торговли! Запад тебя поддержит!

Саакашвили встает, держа трубку в руках. Там раздаются гудки. На другой половине сены Райс сдвигает волосы со лба и начинает массировать себе виски.

Сцена четвертая

Опять сцена разделена на две части огромным аквариумом: в одной кабинете Саакашвили, в другой Буша. Разговор по телефону.

Саакашвили: Мистер Президент! Разрешите доложить!

Буш: Ну, валяй, Майкл...

Саакашвили: Окажите честь, называйте меня просто «Мишико»...

Буш: Хорошо, Мышика. Ну, рассказывай!

Саакашвили: Все идет на славу: Цхинвали стерто с лица земли «Градом»...

Буш: Как градом? Вы что, научились облака замораживать?

Саакашвили: Да нет, мистер Президент – это такая артиллерийская установка, еще русская. Работает отменно! Мы камня на камне не оставили! Ха-ха!

Буш: Погоди, погоди! Там войска были? Сопротивлялись?

Саакашвили: Никак нет, ващ-бродь! Одни жители...

Буш: Так ты ж, придурок, нарушил все военные законы!

Саакашвили: Виноват исправлюсь...

Буш: Ну а дальше?

Саакашвили: А дальше – мы пошли дальше.

Буш: Ну, а русские, наверное, сражались, как львы?

Саакашвили: Нет, был только гарнизон миротворцев, да и тот почти утек... Остальных мы перебили!

Буш: Ну, а потом?

Саакашвили: Проутюжили город танками. Добили всех недобитых. В подвалы-бомбоубежища побросали гранат... Город чист!

Буш: Ты что же, Мышика, всех людей изничтожил?

Саакашвили: Так точно!

Буш: Кто ж тебя об этом просил, дурья ты голова?!

Саакашвили: Вы же сами...

Буш: Во-первых, я тебе ничего не говорил! Это все твоя инициатива. Во-вторых, мне больше не звони! Я тебя не знаю и никогда с тобой не разговаривал, понял, Крысико, или как там тебя!

Буш разозленно бросает трубку на аппарат.

Саакашвили недоуменно смотрит на замолкшую трубку.

Сцена пятая.

Кабинет Чейни. Стук в дверь. Дверь открывается.

Буш: Рик, можно?

Чейни: А попозже не смог бы? Я же видишь, занят: никак пасьянс не сходится!

Буш: Дело безотлагательное...

Чейни: Ну, валяй...

Буш: Грузины стерли с лица земли столицу Абсети. Убили все мирное население. Русских же там практически не оказалось...

Чейни: Что-о-о-о-о???

Буш: Они, видимо, обо всем знали. Президент Грузии

ПЬЕСЫ

Сукашвили попался в ловушку. Не иначе как дело дойдет до Гаагского Трибунала...

Чейни: Да-а... Заставь дурака богу молиться...

Буш: Что делать?..

Чейни: Прежде всего – спокойствие. Значит так: начинаем массированную информационную войну. Помнишь, как мы весь мир водили за нос с Ираком? То было пристанище террористов, то оружие массового уничтожения, а когда все это вранье не прошло, мы решили там демократию внедрять...

Буш: А теперь что будем делать?

Чейни: Во-первых, грузины ни на кого не нападали. Во-вторых, ответ русских был непропорционален...

Буш: Но если ответ, то на что?

Чейни: А ни на что! Пока там разберутся... Да и вообще против нас никто не попрет!

Буш: А может, собрать совет НАТО и Евросоюза и всем хором начать

Чейни: Прекрасная идея! Вот речь не мальчика, но мужа!

Буш: Спасибо, Дик!

Чейни: Не Дик, а Рик!!!

Буш: Прости, Дик... Ой, Рик!

Чейни: Ладно, ладно... Иди, работай! Свободен.

Сцена шестая

Путин и Медведев сидят в кабинете и попивают чай из стаканов с подстаканниками, покусывая традиционные «цековские» сушки.

Медведев: Ну, Вова, как съездил в Пекин?

Путин: Нормально. Попался этот «сан-оф-э-буш» на нашу приманку!

Медведев: Говорят, Цхинвали разрушен сильно?..

Путин: Разрушен?! Не то слово: сметен с лица земли! «Бушев сын» перестарался, он и осетин попереубивал немеряно.

Медведев: Жалко людей...

Путин: А думаешь, Боре или мне не было жалко чеченцев? Было! Но главное – принцип! Главное – идея! Как там говорил величайший советский гуманист, помнишь? «Если враг не сдается, его мочат в сортире!» Максимыч был наш человек: не зря в его честь пулемет называли... «Эх, тачанка-ростовчанка...»

Медведев: Понятное дело... Американе то же самое делали и в Корее, и во Вьетнаме...

Путин: А что в Ираке вытворяют? Вот кого бы в Гаагу-то послать на скамеечку! А то нашли Милошевича – он хоть на своей земле творил, междусобойчики разбирал.

Медведев: Да... И делается все за тридевять земель, хотя прикрываются американскими интересами.

Путин: Вот и я про то же. Нам Грузия – что Куба американцам. Мы тогда ушли, пусть и они теперь убираются!

ПЬЕСЫ

Пауза, пьют чай, хрустят сушками.

Путин: Я там сказал, чтобы на территорию Грузии вошли. Попугали бы немного, но чтобы без всякого там баловства – девочки, магазинчики... Это я для профилактики, ха-ха. Потом будут рады, что мы из Грузии ушли, а уж про Осетию с Абхазией и вякать забудут!

Медведев: А слышал, этот сукин сын... – да, его теперь иначе, как Сукашвили и не называют, – захотел подать на Россию в Гаагский Трибунал?

Путин: Пусть, пусть! А мы встречный иск – геноцид осетинского народа!

Медведев: Ну, тут палка о двух концах: начнут разбираться, почему мы два дня молча смотрели, как грузины вырезают осетин...

Путин: Все же, вот пыль осядет, окажется, что весь – как ты его назвал? – Сукашвили говном измазан вместе со своим благодетелем Жориком!

Медведев: Да... А людей все же жалко!

Путин: Ну, что ты заладил: «жалко, жалко». Да, жалко! Жалко у пчёлки в жопке, как мы в детсаду говорили. А сотни тысяч совсем уж неповинных иракцев не жалко? А вон американцы и спят спокойно, и баб трахают, и футбол смотрят. И все им нипочем!

Медведев: Но мы же не американцы...

Путин: Ладно, кончай свою Достоевщину! Пошли в буфет пивка трахнем!

Медведев: Пойдем...

Путин: Ну, ладно, Дима, поигрались-поразмялись – и буде! Надо подумать, как без потери лица дать задний

ХОД.

Сцена седьмая

Саакашвили, видимо, ждет звонка: все время подбегает к красному телефону и хватается за ручку. Вбегает советник.

Советник: Господин Президент! Господин Президент! Русские скоро займут Тбилиси!

Саакашвили: К-к-к-ак Тби-тби-лиси? Ч-ч-ем займут?

Советник: Танками!

Советник убегает. Саакашвили судорожно и бессмысленно передвигает предметы на своем столе. Вдруг раздается хлопок – от ветра дверь кабинета захлопывается. Саакашвили в панике бросается под стол и закрывает голову руками. Потом, спустя время, озираясь, вылезает на четвереньках из-под стола.

Саакашвили: Господи! Господи! Ну, помоги же, едрит твою мать, если ты есть!

Подбегает к телефону, дрожащей рукой набирает номер.

Саакашвили: Кондолизочка? Ты? Слава богу! Нужна помощь! Нужны войска! Скажи Бушу, отцу родному – пропадаю.

Райс: Мишико, какие войска? Ты о чем?

Саакашвили нервно теребит свой галстук, потом засовывает кончик его в рот и начинает жевать, засовывая его глубже и глубже...

Саакашвили: Р-р-русские... Ты шпё пввосила...

Райс: Я тебя не понимаю... Видимо что-то со связью.

Саакашвили вытаскивает галстук изо рта.

Саакашвили: Я напал! Как ты просила, а они... А русские...

Райс: Ты о чем? О чем это я тебя просила, а? Ни о чем я

ПЬЕСЫ

тебя никогда не просила!

Саакашвили: Ну как же... Сказала, Запад поможет...

Райс: Ладно, не хнычь, поможем. Но выброси из головы, что тебя кто-то о чем-то просил! А то ведь у ЦРУ ручонки – шаловливые, хи-хи.

Саакашвили: Все сделаю, все! Только помогите!

* * *

Сцена проворачивается. Открывается вид кабинета Буша. Там Чейни сидит, развалился, за президентским столом. На кресле сбоку сидит Буш.

Буш: Все сделали. Но русские нас переиграли: они дали этому придурку разбомбить Цхинвали и захватить его, а потом вошли в город, как освободители!

Чейни: Ну, а ты что-нибудь придумал в ответ?

Буш: По-моему, мы оказались в заднице...

Чейни: А на что же тебе наша свободная пресса?

Буш: А-а-а... Понял!

Чейни: Ну, раскручивай!

Буш: А еще этот грузинский придурок решил подать на Россию в Гаагский Трибунал...

Чейни: Что-о-о-о??? Он что, совсем сбрендил?! Ведь на суде копнут, и мы по уши в дерьме окажемся!

Буш: Хорошо, я скажу Конди. Пусть вразумит идиота.

Чейни: Ну, ладно, Джорджик, поигрались-поразмялись – и буде! Надо подумать, как дать нам задний ход.

Акт второй.

Политика – грязное дело, но политика, делаемая грязными людьми – очень грязное дело.

Лука Умищев⁵

Сцена первая.

Сидит Чейни, развалясь в кресле, положив ноги на стол. Рядом в позе ученика, сложив ручки на коленях, сидит Буш. Он весь внимание. (Повторение Сцены первой из Части первой.) Чейни начинает говорить.

Чейни: Ну, Жорка, сукин ты сын!

Буш обиженно и злобно смотрит на Чейни, но тот не дает ему ничего сказать, упреждая его.

Чейни: Да нет, нет, ты что – с ума сошел? Я твою мать не имею в виду. Я говорю про абстрактную суку... (Ехидно подхихикивает), хотя и про конкретного сына... Я про то, что ты все боялся, а видишь, как славненько все вышло! Этот Бичешвили раздражил русского медведя, а когда настало время ему дать хорошенько по шее – мы тут как тут!

Буш: Славненько, славненько, Рик, ничего не скажешь.

Чейни: Да и Конди у тебя молодцом. Жаль, что мордой не вышла... Ну, да ладно, мы не о бабах. Но она хорошо этого придурка одернула, когда он собрался в Гаагский трибунал подавать на Россию. Как там она сказала? «Заткнись! Русских осудят за превышение, а по тебе,

⁵ Лука Умищев – двоюродный брат Луки Мудищева, созданного Иваном Барковым

сучонок, веревка плачет!» Нет, молодец, молодец!

Буй: Я вот не пойму, как же так вышло, что этот наш Скукошвили все же не захватил эту, как ее, Абсетию? Как-то мне кажется, что Путин все просчитал и был готов, ожидая нападения... А ведь и момент мы выбрали подходящий – лето да Олимпийские Игры: кто в отпусках, кто на Олимпиаде!

Чейни: Так это твоя идея начать акцию во время Олимпиады? Думал, что это тот сукин сына придумал...

Буй: Он предложил, а я, не подумав, поддержал. Конечно, он сукин сын, но наш сукин сын. (*Смеется.*)

Чейни: И хорошо, что ты не подумал, а то с твоей головой ты бы удумал что-нибудь еще более глупое... Да, тут русские нас обыграли... Но ничего – они зато лопухи на международной арене. А уж мы постараемся: смогли же весь мир обдурить с Ираком... А ведь как путался ты: то пособники террористам, то оружие массового уничтожения, то уран припел, под конец вообще стал нести чушь про освобождение иракского народа. И ведь все сошло с рук!

И здесь, если постараться, русские окажутся виноватыми, а не мы. Вот и позвони этим меркелям-шмеркелям и разным Саркозьявкам – что на них мол, вся надежда. Русские так всем на ноги понаступали, что все будут рады их куснуть.

Сцена вторая

Кабинет Путина. Секретарша открывает дверь, входит Медведев.

Медведев: Здравствуй, Владим-Владимыч!

Путин: Что так официально? По делу что ли?

Медведев: Да, Вован. Тут такое началось...

Путин: Знаю, знаю, в чем дело! Вся эта западная свора набросилась единым фронтом на нас? Не на тех напали, правда, Димка? Ладно, ладно, не горю! Что-нибудь смозгуем...

Медведев: Говорят про принцип государственной целостности...

Путин: Ишь ты, какие мудроватые! Чего же они с Косово-то молчали? Теперь дудки! Плакала их «целкостность»! Потеряли они свою невинность!

Медведев: Так и я про то же... Так что будем делать? Ты же у нас голова!

Путин: Думать будем, Федя, думать! С их продажной прессой даже наша свободная российская пресса не сладит – это как пить дать...

Медведев: Может, отдать им все взад, как говорится!

Пусть успокоятся и перестанут на нас бочку катить...

Путин: Так и думать не моги!!! Мы с ними «в давалки», как говорила наша «Черная Морда», играть не собираемся! Заруби себе на своем курносом носу: лучшая защита – это нападение!

Медведев (бледнея): Т-т-т-ы что, про в-в-ойну?..

Путин: Ну и бушевские же у тебя мозги!

ПЬЕСЫ

Медведев: Ты не оскорбляй! Совсем обнаглел! Я же президент! Сам хотел...

Путин: Ну, извини... Так вырвалось... Нет, я имею в виду, как нам их наколоть!

Медведев: Ну и ты меня прости. Нервы стали некуда... А ты меня еще с этим придурком сравниваешь...

Путин: Кажется, я придумал! Давай мы Северную Осетию отдадим!

Медведев: Что? Извини, не врубаюсь. Грузии... отдать... Северную Осетию?!

Путин: Зачем Грузии... Мы откажемся от Северной Осетии, позволим осетинам объединиться и создать свое государство. Будет вроде бы баш-на-баш, а со Свободным Осетинским Государством заключим пакт о взаимобороне! Ха-ха! Усекаешь?

Медведев: Ловко! А как же с Абхазией?

Путин: Ну... А давай объявим еще свободными Дагестан и Чечню, и пусть все вчетвером образуют союз, с которым мы заключим коллективный Пакт о ненападении. Так что ежели кто из них рышнется не туда, мы его руками остальных трех образумим, а сами время от времени будем вводить миротворческие войска...

Медведев: Здорово! Ну, ты – голова!

Путин: Ну, валяй, исполняй: ты же, в конце концов, Президент!

Сцена третья.

Кабинет Буша. Тот сидит за своим столом и чешет затылок. Потом встает, подходит к книжным полкам и переставляет книги, чтобы корешки подходили по цвету. Отходит, оглядывает результаты, потом подходит и опять переставляет. В кабинет врывается возбужденная Кондолиза Райс.

Буш:

Конди, могла бы постучать! А то вдруг и ко мне проникнет с секс-визитом Моника Левинская? Ха-ха! Видишь, хорошо, что я не демократ, а то бы мог привести тебя в смущение.

Райс: Джордж! Не до шуток!

Буш: Что случилось? Неужто русские в Джорджии? Ха-ха! Нет, меня теперь не проведешь: я знаю, что в мире две Грузии! Так что Грузией меня не грузи, ха-ха...

Райс: Серьезно, не до шуток: русские создали независимую Осетию!

Буш: Ну, они уже ведь об этом объявляли...

Райс: Они создали Объединенную Осетию из своей части и из бывшей грузинской...

Буш: Ну и Господь с ними!

Райс: Вот я и боюсь, что теперь Господь с ними, а не с нами... Ведь они не взяли себе Южную Осетию, а наоборот отдали добровольно в связи с волеизъявлением осетинского народа и свою часть Осетии – Северную. Осетины теперь имеют свое самостоятельное государство... Теперь нам не удастся представлять русских агрессорами! Они тут же подписали с новым государством Пакт о ненападении и взаимной обороне...

Буш (в панике бежит по кабинету):

Что же делать? Что же делать?!

Райс: Успокойся, выпей валерьянки. Надо срочно звонить Дику...

Буш: Рику...

Райс: Нет, пожалуй, он все же «дик»: ввязал нас в эту авантюру!

Буш: Ладно, я звоню, а потом мы вместе полетим к Чейни на дачу. Я один боюсь...

Сцена четвертая

Сцена разделена на две части огромным аквариумом. В одной кабинет Путина, где кроме него Медведев. В другой – кабинет Буша, где находится и Кондолиза Райс. Действие развивается поочередно то на одной стороне, то на другой.

Путин: Ну вот, дело сделано!

Медведев: А стоит ли начинать с Чечней и Дагестаном?

Путин: Ты прав, наверное, не стоит. Зачем бежать впереди паровоза? Приспичит, мы и эту карту разыграем. А там еще и Кабарда... Можно и Якутию подключить...

Медведев: И Чукотку...

Путин: Правильно мыслишь, Президент!

Медведев: И создадим Союз Российских Автономных Народов...

Путин: Подумай, голова! Раньше было «с-с-с-с-р-р», а теперь уж прямо СРАН! Ну, да не в названии дело. Как говаривал наш пересторойщик, «Процесс пошол».

* * *

Райс: Мистер Президент...

Буш: Что, Конди, что-нибудь совсем плохо, раз ты меня не по имени...

Райс: Наш грузинский придурок опять подтягивает войска к Осетии... Он, видимо, надеется, что мы серьезно втянемся в его авантюру...

Буш: Но мы же не давали ему санкций?!

Райс: Нет. Но что взять с психопата?

Буш: Что взять? Взять его ко мне на ранчо, а там повяжем и сдадим в психушку!

Райс: Нельзя. Он президент суверенного государства...

* * *

Путин: Мне тут сообщили, что этот отморозок Дурашвили подтягивает войска к границе Свободной Осетии.

Медведев: А почему мне не сообщили?

Путин: Это я решил тебя не травмировать. Ведь я же не хуже донес до тебя эту информацию, правда?

Медведев: Ну, пусть, пусть сунутся! Мы им тогда на полную катушку врежем!

Путин: Нет, теперь мы будем играть по-другому. Звони по горячей линии Бушу и сообщи об этом. Предупреди, что если Грузия сунется на территорию суверенного государства, у которого Пакт с Россией, то мы агрессора сотрем с лица земли. Скажи этому идиоту, что мячик на его стороне и ответственность за последствия тоже. Еще звони Генсеку в ООН и сообщи ему о действиях Грузин, и об осведомленности Буша. Тут же отправь ему же официальную ноту. Скажи что-нибудь вроде: «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути!» Лады?

Медведев пододвигает красный телефон и снимает трубку. Тут же раздается звонок у Буша.

Буш: Who're you? (Ху ар ю?)

ПЬЕСЫ

Медведев: Ху я? Я Президент России Дмитрий Медведев!

Буш: О, Господин Димитри! Хау-ду-ю-ду?

Медведев: Я-то «ду-ю-ду», а вот хау вы, господин президент, дуετε? Знаете ли вы, что ваш протеже, извините, по-русски это будет выкормыш, а то и похлеще – выблядок... Так вот он опять готовит войну. И на этот раз все ваше так называемое мировое сообщество предупреждено. И теперь вам не удастся свалить все с большой головы на здоровую! Удержите этого болвана! Вся ответственность – на вас! Сообщаю, что мною уже отправлена сверхсрочная нота в ООН. До свидания! Или как это там у вас? Аух-наух-фидер-зейн!

В трубке раздаются короткие гудки. Буш с видом ошеломленного шимпанзе оглядывает трубку, как гнилой банан...

* * *

Буш: Ты слышала, Конди?! Грузия еще не в НАТО, мы не имеем формального права ее защищать. Да и вообще из-за этого слабоумного идиота Соскошвили Америка не обязана ввязываться в очередную войну!

Райс: Я тоже так же считаю. Хватит нам и освободительной войны в Ираке...

Буш: Но-но! Не дури! Снюхалась, что ли, со своим черным дружкой Осамой?

Райс: ...Обамой.

Буш: Один хрен! Звони срочно этому грузинскому идиоту, что мы ни во что ввязываться не будем, а сам он этой каши не расхлебает!

Райс: Хорошо, Жора...

Буш: И скажи ему, чтобы не дурил! Я ему, кобелю, яйца оторву! Ой, извини, Кондочка!

Перед закрывшимся занавесом навстречу проходят мужчины и женщины «кавказской национальности», исполняющие народные танцы-шманцы.

КОНЕЦ

